ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
BE312
Ш386

BE312
Ш386

КАЙЗЕРЪ БЕЗЪ МАСКИ

(переводъ съ англійскаго).

РАЗОБЛАЧЕНІЯ ИСТИННЫХЪ ПРИЧИНЪ ВОЙНЫ, ИЗЛОЖЕННЫХЪ ВЪ ДНЕВНИКѢ ГРАФА АКСЕЛЯ ФОНЪ-ШВЕРИНГА.

X

1915.

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2009

К.
1987
П

ВЕ312 Р
Ш386
Библиотека
Института Ленина
при Ц.К. Р.К.П.(б.)
230088

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Записки графа Акселя фонъ-Шверингъ—друга дѣтства и близкаго совѣтника Кайзера, сдѣлались нѣсколько времени тому назадъ, достояніемъ англійскаго журнала „Cassell's Magazine" *). Въ этихъ запискахъ, въ формѣ дневника, приводятся неоднократныя бесѣды Кайзера съ графомъ въ то время, какъ каждую минуту готова была вспыхнуть нынѣшняя война. Болѣе того, эти бесѣды—послужившія поводомъ къ охлажденію сердечныхъ отношеній между давнишними друзьями—являются подтвержденіемъ, что правители Германіи давно уже подготовлялись къ этой войнѣ. Графъ фонъ-Шверингъ покончилъ жизнь самоубійствомъ, у себя на дому. Съ его смертью этотъ дневникъ, вмѣстѣ съ копіей, приведеннаго ниже его предсмертнаго письма императору Вильгельму, попалъ къ одному изъ высокопоставленныхъ лицъ, а затѣмъ былъ сообщенъ редактору англійскаго журнала. Своей безыскуственностью и правдивостью всего написаннаго онъ заслуживаетъ глубокаго интереса, обличая лживую политику Вильгельма и его неискренность по отношенію къ самымъ преданнымъ и испытаннымъ друзьямъ.

*) Записки напечатаны въ Декабрьскомъ выпускѣ 1914 г. и Январьскомъ номерѣ 1915 г.

Графъ фонъ-Шверингъ покончилъ жизнь самоубійствомъ
у себя на дому.

Берлинъ, 30-го іюня 1914 г.

Пріѣхавъ сюда вчера вечеромъ, вызванный телеграммой изъ Киля, я съ нетерпѣніемъ жду встрѣчи съ императоромъ, чтобы лично удостовѣриться въ впечатлѣніи, произведенномъ на него Сараевской трагедіей. Безъ сомнѣнія, въ лицѣ эрцгерцога Франца - Фердинанда, онъ потерялъ одного изъ своихъ лучшихъ друзей и близкаго единомышленника, съ которымъ у него было больше общаго чѣмъ съ большинствомъ людей, не исключая даже многихъ членовъ своей семьи. Трагическая смерть такого друга, должна была явиться для него жестокимъ ударомъ, а неизвѣстность грядущихъ событій тяжелымъ камнемъ лечь на него.

Я вспомнилъ счастливые годы нашего дѣтства, когда мы раздѣляли съ нимъ часы нашихъ занятій и досуга, дѣлились ощущеніями и впечатлѣніями... Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ; оба мы уже не молоды; у него взрослые сыновья, но, тѣмъ не менѣе, онъ остался для меня тѣмъ же мальчикомъ, съ которымъ я игралъ, съ которымъ обмѣнивался столькими мыслями и строилъ планы будущаго, которое я не могъ представить себѣ

въ разлукѣ съ нимъ. Однако, въ теченіе нашего жизненнаго пути мы расходились съ нимъ не разъ; многіе его поступки не встрѣчали моего сочувствія; часто поддаваясь горячности своего характера, онъ увлекался болѣе, чѣмъ мнѣ бы того хотѣлось, но для меня онъ всегда оставался прежнимъ.

Однако, за послѣднее время мнѣ казалось, что характеръ его нѣсколько измѣнился: онъ становится грустнымъ и иногда даже угрюмымъ. Рѣже сталъ раздаваться юный, беззаботный смѣхъ, сохраненный имъ такъ долго, и отъ времени до времени я сталъ замѣчать, что моя откровенная критика его поступковъ принималась имъ уже съ меньшей снисходительностью и съ большимъ нетерпѣніемъ, чѣмъ прежде.

Я никогда особенно не симпатизировалъ убитому эрцгерцогу. Мнѣ не нравилось его хмурое лицо, оживлявшееся лишь при обращеніи къ женѣ или дѣтямъ. Безъ сомнѣнія, эрцгерцогъ былъ прекраснымъ мужемъ и любящимъ отцомъ; но я не настолько увѣренъ въ его способностяхъ правителя страны, хотя никто не могъ отказать ему въ предпріимчивости. Но, какъ бы то ни было, все это прошло; Францъ-Фердинандъ лежитъ въ своемъ окровавленномъ гробу, рядомъ съ женой, которую онъ избралъ несмотря на всѣ жестокія препятствія и которую несомнѣнно возвелъ бы на престолъ Австріи, если бы ему самому суждено было возсѣсть на него. Однако эта глава закончена, слѣдующая должна развернуться

безъ участія въ ней этихъ двухъ лицъ. Передъ нами полная неизвѣстность, въ которой чуется что-то недоброе.

1-го Іюля 1914 г.

Я видѣлъ Императора и, признаюсь, никогда еще не ощущалъ такой давящей тоски, какъ послѣ этого свиданія. Моя долгая бесѣда съ нимъ открыла мнѣ въ немъ новаго человѣка не имѣющаго ничего общаго съ тѣмъ, котораго, какъ мнѣ казалось, я такъ хорошо зналъ; человѣка, въ которомъ по временамъ вдругъ вспыхивали ненависть, злоба и жажда мести, не обнаруживавшіяся со времени отставки Бисмарка и смерти императрицы, его матери. Казалось эти два событія смягчили его характеръ. Но моя сегодняшняя бесѣда съ нимъ напомнила мнѣ прежняго Вильгельма II, какимъ онъ былъ въ началѣ своей карьеры, и какимъ, на мой взглядъ, не проявилъ себя ни разу въ теченіе своей послѣдующей жизни. Физически онъ постарѣлъ сразу на десять лѣтъ; глаза потеряли свой прежній блескъ, суровыя складки легли вокругъ рта, и вся его фигура приняла грозный и непреклонный видъ. Онъ холодно и спокойно говорилъ объ убійствѣ своего друга, точно о самомъ заурядномъ происшествіи. Только разъ, въ теченіе всего разговора, онъ выдалъ свое душевное волненіе, когда я заговорилъ о томъ, какъ должно было подѣйствовать на стараго Импера-

тора Франца-Іосифа извѣстіе о томъ, что во второй разъ, трагическимъ образомъ, унесенъ въ могилу наслѣдникъ его престола.

„Да, его можно пожалѣть", отвѣтилъ Вильгельмъ II, „но Богъ знаетъ, быть можетъ и не онъ одинъ достоинъ сожалѣнія; найдутся и другіе, которые пострадаютъ черезъ эту смерть".

На мое замѣчаніе, что онъ, вѣроятно, имѣлъ въ виду дѣтей убитаго эрцгерцога, онъ къ моему удивленію возразилъ, что объ нихъ то онъ вовсе и не подумалъ. И въ отвѣтъ на мой вопросительный взглядъ, медленно отвѣтилъ, что это убійство взываетъ къ отомщенію, и, что, иногда, месть ведетъ за собою катастрофы необыкновенной важности.

Онъ перешелъ затѣмъ къ вопросу о впечатлѣніи, произведенномъ въ Россіи Сараевской трагедіей.

„Они будутъ довольны", добавилъ онъ; „имъ выгодно видѣть на австрійскомъ престолѣ молодого и неопытнаго человѣка. Несчастные, они и не представляютъ себѣ того, что этотъ молодой человѣкъ находится въ такомъ положеніи, которое заставитъ его принять и продолжать политику того, чье мѣсто онъ занялъ".

Затѣмъ, вдругъ, Вильгельмъ II сталъ говорить о возможныхъ осложненіяхъ, могущихъ возникнуть на почвѣ этого убійства. Онъ высказалъ свое мнѣніе, что русское золото и русскія интриги находятся въ тѣсной связи съ выстрѣломъ, прекратившимъ жизнь наслѣдника Габсбургскаго

престола и добавилъ: „Россія будетъ наказана за свою роль въ этой драмѣ; она поплатится за это. Она либо очень глупа, либо очень самонадѣянна, если воображаетъ, что Австрія не будетъ настаивать на наказаніи виновныхъ. Францъ-Іосифъ не дастъ убійцамъ своего племянника избѣжать должнаго воздаянія ихъ поступку. Но, кто знаетъ, быть можетъ это преступленіе приведетъ къ конечному торжеству германской цивилизаціи и политики", загадочно докончилъ онъ.

Тонъ Императора такъ сильно встревожилъ меня, что я не могъ удержаться отъ вопроса, не думаетъ ли онъ дѣйствительно о возможности начать войну, чтобы отомстить за смерть друга.

„Нѣтъ, я теперь не собираюсь начинать войны, но могу со временемъ быть вынужденнымъ объявить ее!". И, точно испугавшись, что проговорился, онъ добавилъ: „не пугайтесь, другъ мой Аксель, иногда я не вполнѣ точно выражаю свои мысли, въ настоящее же время я занятъ только одной мечтой о моей предстоящей поѣздкѣ въ Норвегію. На этотъ разъ вы должны сопровождать меня туда. Давно уже я не имѣлъ настоящаго отдыха и мнѣ хотѣлось бы провести его съ вами".

Я поклонился, но почему то все еще не могъ успокоиться. Не понимаю, что послужило причиной столь внезапной перемѣны въ немъ. До извѣстной степени я приписываю это состоянію его нервамъ, которые всегда давали ему себя чувствовать, а теперь должны быть особенно разстроены. Вслѣдствіе этого, предстоящая ему поѣздка въ

Вѣну на похороны эрцгерцога, безпокоила меня. Я высказалъ ему свои опасенія, и былъ удивленъ его отвѣтомъ, что онъ еще не знаетъ—поѣдетъ ли въ Австрію самъ, или пошлетъ кого-нибудь вмѣсто себя.

— Нужно жалѣть престарѣлаго Императора и избѣгать утомлять его,—сказалъ онъ; — все что я хочу сказать ему, можетъ съ такимъ же успѣхомъ быть изложено письменно, къ тому же и Мольтке долженъ повидать начальника австрійскаго генеральнаго штаба въ Карлсбадѣ.

Онъ помолчалъ въ теченіе нѣсколькихъ минутъ, и затѣмъ, точно желая отогнать непріятную мысль, быстро перемѣнилъ тему разговора.

— Да, вы должны отправиться со мной въ Норвегію, мой другъ Аксель, — сказалъ онъ;— быть можетъ это послѣдній отдыхъ, которымъ я смогу воспользоваться на долгое время и вы должны раздѣлить его со мной. Кто знаетъ, *что* готовятъ намъ грядущіе мѣсяцы?

— Не предполагаетъ ли Ваше Величество какихъ либо международныхъ осложненій?—спросилъ я.—Въ настоящій моментъ, по крайней мѣрѣ, ничто, кажется, не угрожаетъ всеобщему спокойствію.

— Серьезныя событія происходятъ тогда, когда ихъ меньше всего ожидаютъ, — отвѣтилъ онъ.—Бываютъ моменты, когда, для той или другой націи является необходимость укрѣпить свое положеніе, тѣмъ болѣе, если она чувствуетъ, что, въ противномъ случаѣ, этимъ моментомъ восполь-

зуются другіе, но уже не въ ея пользу. Нѣтъ, въ настоящее время никакія осложненія не угрожаютъ кому бы то ни было, но благодаря французской идеѣ реванша, военнымъ приготовленіямъ Россіи и безпокойному поведенію Сербіи, маленькой искры достаточно для того, чтобы зажечь міровой пожаръ. Австрія также стоитъ на порогѣ новой эры своего существованія, и быть можетъ, лучше будетъ для нея, если измѣненія, которымъ она подвергнется по доброй волѣ или по принужденію, произойдутъ при жизни царствующаго Императора, чѣмъ во время правленія молодого и не очень умнаго повелителя. Новый наслѣдникъ престола превосходный молодой человѣкъ, но къ этому едва ли можно что либо прибавить. Міръ требуетъ большей стойкости и энергіи, чемъ было проявлено имъ до сихъ поръ.

Онъ помолчалъ нѣкоторое время. Затѣмъ всталъ и также молча зашагалъ по комнатѣ. Наконецъ онъ подошелъ ко мнѣ и хлопнулъ меня по плечу:

— Не задумывайтесь такъ надъ всѣмъ, что я вамъ сказалъ, другъ мой Аксель. Я сегодня немного не въ своей тарелкѣ; мнѣ необходимъ воздухъ Норвегіи, который скоро приведетъ меня въ себя. Я чувствую, что по моемъ возвращеніи оттуда, я стану другимъ человѣкомъ. Пока же пожелаемъ другъ другу всего хорошаго. Я пришлю за вами въ одинъ изъ ближайшихъ дней и, быть можетъ, не стану васъ такъ разстраивать, какъ сегодня.

Онъ отпустилъ меня. Мнѣ было крайне непріятно его странное поведеніе и неожиданный оборотъ его мыслей. Я знаю его достаточно близко, чтобы быть увѣреннымъ, что онъ такъ бы не говорилъ, не будь его мысли заняты составленіемъ плана, недостаточно еще разработаннаго для того, чтобы о немъ высказаться, даже друзьямъ. Эта увѣренность вселяла въ меня чувство неясной тревоги; неужели онъ собирается воевать, чтобы отомстить за смерть своего друга? Но съ кѣмъ? Съ Сербіей? Это было бы безразсуднымъ; кто можетъ заставить сербскій народъ или сербское правительство отвѣчать за преступленіе фанатиковъ. Съ Россіей? Съ послѣдней еще меньше причинъ ссориться. Съ Франціей? Но Франція занята проведеніемъ у себя закона трехлѣтняго срока военной службы и ей некогда искать причинъ разрыва съ нами. Съ Англіей? Это едва ли возможно, тѣмъ болѣе, если принять во вниманіе искреннюю сердечность отношеній во время пребыванія въ Берлинѣ, Короля и Королевы Англіи, пріѣзжавшихъ на свадьбу герцогини Брауншвейгской. Нѣтъ; чѣмъ больше я раздумываю надъ всѣмъ этимъ, тѣмъ болѣе удостовѣряюсь въ безосновательности своихъ опасеній и въ томъ что прямой причиной раздражительности Кайзера являются лишь его разстроенные нервы. Но все же, я не могу вполнѣ успокоиться, несмотря на отсутствіе, какъ мнѣ кажется, угрожающихъ предвѣстниковъ.

2-го Іюля 1914 г.

Я сговорился пообѣдать сегодня вечеромъ съ моимъ старымъ другомъ Мольтке, начальникомъ генеральнаго штаба, въ гостинницѣ „Adlon“. Но, передъ самымъ моимъ уходомъ, онъ позвонилъ мнѣ по телефону, прося не ждать его, такъ какъ онъ вызванъ Императоромъ во дворецъ и, вѣроятно, запоздаетъ.

Казалось, что нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что Императоръ желаетъ видѣть генерала передъ отъѣздомъ въ Норвегію, но, тѣмъ не менѣе, меня мучило какое то непонятное чувство, въ причинѣ котораго я не могъ разобраться.

Я поѣлъ одинъ, стараясь по мѣрѣ возможности растянуть время обѣда и затѣмъ отправился въ генеральный штабъ, въ надеждѣ поскорѣй увидѣть вернувшагося изъ Потсдама Мольтке. Однако мои ожиданія не оправдались и мнѣ пришлось прождать его возвращенія въ теченіе цѣлыхъ двухъ часовъ. Отъ нечего дѣлать я занялся чтеніемъ газетъ, лежавшихъ на томъ самомъ письменномъ столѣ, за которымъ въ былые дни я часто видѣлъ сидящимъ другого Мольтке, имя котораго будетъ записано на страницахъ исторіи. Наконецъ, надоѣвъ самому себѣ своими думами, я вскочилъ и прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ. Почему меня преслѣдуетъ мысль о войнѣ? У насъ нѣтъ ни малѣйшей причины воевать; мы довольны своей судьбой и тѣмъ положеніемъ, которое за-

нимаемъ въ Европѣ, но—и тутъ мои мысли снова путались, но, въ Германіи есть Императоръ, которому, какъ ни какъ, принадлежитъ послѣднее слово въ этомъ вопросѣ. Остался ли онъ тѣмъ ярымъ сторонникомъ мира, какимъ былъ всего нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, во время Балканской войны? Я старался убѣдить себя въ томъ, что чувства Императора не перемѣнились ни на іоту. Однако, это мнѣ плохо удавалось. Еще съ большимъ нетерпѣніемъ ждалъ я возвращенія Мольтке, чтобы подѣлиться съ нимъ мучившими меня сомнѣніями. Какъ долго онъ не шелъ! Часы на каминѣ показывали уже полночь, а его все не было. Наконецъ послышался звонокъ и къ моему великому облегченію, мой старый другъ вошелъ въ кабинетъ.

Лишь только я взглянулъ на него, какъ понялъ, что не все благополучно. Онъ тоже повидимому отгадалъ мои мысли и, едва поздоровавшись, опустился въ кресло, медленно проговоривъ, точно отвѣчая на вопросъ, который я не успѣлъ еще ему задать: — Да, мой другъ, буря надвигается.

— Императоръ?—спросилъ я.

— Императоръ поразилъ меня. До сего времени онъ не допускалъ возможности войны въ теченіе своего царствованія. Вы вѣроятно помните, какъ разсердился онъ на кронъ-принца, когда послѣдній сталъ склоняться въ сторону существующей въ странѣ ультра-военной

Лишь только я взглянулъ на него, какъ понялъ, что не все благополучно.

партіи. И вдругъ, повѣрите ли вы мнѣ, сегодня онъ продержалъ меня болѣе четырехъ часовъ, разбирая со мной всѣ случайности, могущія помѣшать намъ съ честью выйти изъ возможнаго конфликта съ врагомъ, котораго онъ мнѣ не назвалъ.

— Что же вы отвѣтили ему?—нетерпѣливо спросилъ я.

— Я сказалъ ему, что Германія готова; что она готова уже много лѣтъ и никакія неожиданности ей не страшны; но если она будетъ втянута въ войну, она не будетъ въ состояніи вести ее на основаніи прежнихъ принциповъ, какъ въ 1866 и 1870 годахъ; это будетъ всесокрушающая война. Я прибавилъ, что ввиду существующаго положенія вещей, долгъ каждаго германскаго патріота — всѣми силами избѣгать возникновенія войны, которую мы и выиграли бы, но какой цѣной! Прямымъ слѣдствіемъ этого, будетъ потеря уваженія Европы, которая перестанетъ съ нами считаться, лишь только она удостовѣрится въ тѣхъ пріемахъ борьбы, къ которымъ мы должны будемъ прибѣгнуть, чтобы избѣжать пораженія.

Говоря это, мой старый другъ сильно волновался и губы его нервно подергивались. Я зналъ Мольтке въ продолженіи 40 лѣтъ. Мы всегда были хорошими откровенными друзьями. Онъ не воинственный человѣкъ, быть можетъ потому, что знаетъ что такое война, а въ особенности чѣмъ она можетъ стать въ настоящее

время, съ нынѣшними усовершенствованными орудіями смерти. Императоръ, который, въ бытность графа Вальдерзе начальникомъ генеральнаго штаба, склонялся было въ пользу воинствующей политики, подъ благотворнымъ вліяніемъ Мольтке, замѣтно смягчился. Волненіе моего друга еще яснѣе доказало мнѣ, что опасенія, преслѣдовавшія меня со времени Сараевской трагедіи не были безосновательными.

— Чему же вы приписываете настроеніе императора?—спросилъ я.

— Ничего опредѣленнаго по этому поводу я вамъ сказать не могу, хотя нѣкоторыя предположенія у меня существуютъ; однако, они настолько ужасны, что я не могу рѣшиться высказать ихъ, даже такому испытанному и старому другу, какъ вы,—послѣдовалъ неожиданный отвѣтъ.

— Иногда — возразилъ я, — невысказанныя опасенія только гнетутъ душу, и, быть можетъ, подѣлившись ими со мной, вы почувствуете облегченіе.

— Ну, хорошо, ужъ если вы такъ этого хотите,—сказалъ Мольтке, послѣ нѣкотораго размышленія.—Я боюсь не обманывалъ ли насъ Императоръ въ теченіе многихъ лѣтъ! Мои слова васъ удивляютъ? Повѣрьте, я самъ удивился не менѣе васъ. Я думалъ до сихъ поръ, что знаю его отлично, что изучилъ его характеръ до малѣйшихъ подробностей; теперь же вижу, что жестоко ошибся. Сегодня я видѣлъ и говорилъ съ другимъ Императоромъ, съ человѣкомъ абсолютно

чуждымъ мнѣ. Убійство ли эрцгерцога до такой степени повліяло на его характеръ, или онъ просто сбросилъ маску, подъ которой пряталъ свой настоящій обликъ, въ теченіе послѣднихъ 25 лѣтъ,—въ этомъ я еще не разобрался, да и врядъ ли стану терять на это время. Довольно вамъ будетъ сказать, что онъ думаетъ о войнѣ и готовится къ ней; и, да проститъ мнѣ Богъ мои слова, онъ рѣшилъ объявить ее, если другіе не объявятъ ея ему!

Я всталъ и нѣсколько разъ прошелся по комнатѣ; затѣмъ снова сѣлъ въ кресло противъ начальника генеральнаго штаба.

— Возможно ли, что нашъ Императоръ, старясь, подпалъ подъ вліяніе кронъ-принца?—спросилъ я.

— Ахъ! Если бы это было такъ!—горько воскликнулъ генералъ.—Нѣтъ, онъ свободенъ отъ чьего бы то ни было вліянія, онъ просто наконецъ показалъ себя въ истинномъ свѣтѣ и высказалъ намъ то, что тщательно скрывалъ въ теченіе столькихъ лѣтъ, а именно, что хочетъ стать повелителемъ не только Европы, но и всего свѣта.

— Это не такъ то легко, — усмѣхнулся я. —Европа не скоро покорится ему, да еще и вопросъ въ томъ, удастся ли Германіи, несмотря на ея огромную мощь, выйти побѣдительницей изъ борьбы, въ которой она будетъ поставлена лицомъ къ лицу съ могущественнѣйшими странами міра.

Мольтке грустно улыбнулся.

Библиотека Института Ленина при Ц.К. Р.К.П. (б.)
930088

— Не разстраивайтесь подобными предположеніями, мой другъ, — сказалъ онъ. —Германія побѣдитъ. Не даромъ же существуетъ Круппъ; но вотъ этой то побѣды я и боюсь. Она будетъ сопряжена съ такимъ разореніемъ, съ такими несчастіями и ужасами, что вся цивилизація, которой мы такъ справедливо гордимся теперь, погибнетъ въ бурѣ, сила которой далеко превзойдетъ достигнутые нами успѣхи. Всѣ мирныя завоеванія, которыми такъ хвалится наша страна, громадное развитіе ея промышленности, высокое мѣсто занимаемое ею во всѣхъ областяхъ науки, все это безслѣдно исчезнетъ подъ давящей тяжестью ужаса и всеобщаго отвращенія, отъ котораго Германіи не избавиться на вѣки. Вотъ тяжелыя стороны современной войны, которую намъ нельзя проиграть, ибо это было бы равносильно уничтоженію Германіи, какъ независимаго государства.

— Неужели императоръ не видитъ этого?— спросилъ я.

— Императоръ! — съ горестью повторилъ Мольтке.—Императоръ сейчасъ въ такомъ же настроеніи, въ какомъ находился въ моментъ отставки Бисмарка.

— Но что же могло вызвать столь рѣзкій поворотъ въ его чувствахъ и мысляхъ? Отправляясь въ Киль, онъ казался такъ благожелательно настроеннымъ ко всѣмъ и къ каждому.

— Казался! — воскликнулъ мой старый другъ.— Онъ можетъ казаться всѣмъ, чѣмъ захочетъ въ зависимости отъ условій, въ которыя онъ въ дан-

ный моментъ поставленъ и которыя ему наиболѣе выгодны.

— Вы нервничаете, мой другъ, — замѣтилъ я,—и, кажется придаете слишкомъ большое значеніе тому возбужденію, которое овладѣло Императоромъ. Развѣ вы не знаете его крайней впечатлительности въ нѣкоторыхъ случаяхъ? Въ данный же моментъ,только подъ вліяніемъ горечи утраты друга, онъ заговорилъ о мести; но даже предполагая, что онъ дѣйствительно хочетъ воевать, то для этого, нужна и вѣская причина. Онъ не можетъ же объявить войну Сербіи, которая насколько мнѣ извѣстно, одна скомпрометирована въ этомъ преступленіи. Не думаю, чтобы и Австрія затѣяла войну на томъ же основаніи и единственно чего она можетъ потребовать отъ Сербіи— это строгаго разслѣдованія этого дѣла и наказанія соучастниковъ преступленія если таковые существуютъ въ Сербіи, въ чемъ конечно никто не вздумаетъ ей отказать, и менѣе всего такой государственный человѣкъ, какъ сербскій премьеръ-министръ Пашичъ.

— Если кто рѣшился объявить войну, то неужели же онъ станетъ задумываться надъ тѣмъ, чѣмъ мотивировать свое намѣреніе? — спросилъ генералъ.—Стоитъ захотѣть, а предлогъ всегда найдется. Я говорю вамъ, что Вильгельмъ II хочетъ войны, боюсь что онъ хотѣлъ ея всегда; но таилъ это желаніе въ глубинѣ души, до того момента, когда почувствовалъ себя достаточно сильнымъ, чтобы безнаказанно привести его въ

исполненіе. Если бы вы слышали, какъ подробно разспрашивалъ онъ меня сегодня о нашемъ могуществѣ и особенно о силѣ нашей артиллеріи, то у васъ не осталось бы ни малѣйшаго сомнѣнія относительно его намѣреній.

— Но онъ объявилъ мнѣ, что отправляется въ Норвегію,—безпомощно возразилъ я.

— И дѣйствительно отправится въ Норвегію. Ему необходимъ отдыхъ, котораго быть можетъ ему придется на нѣкоторое время лишиться.

Слушая Мольтке, я вспомнилъ слова Вильгельма II, когда онъ просилъ меня сопровождать его и добавилъ: „Кто знаетъ, что готовятъ намъ грядущіе мѣсяцы"?

Мольтке понялъ, что происходитъ у меня въ душѣ и загадочно улыбнулся.

— Но вѣдь я не пророкъ мой другъ,—сказалъ онъ,—и быть можетъ вы правы, что я недостаточно принимаю въ разсчетъ теперешнее нервное состояніе Императора. Я отлично сознаю, что всякая война дѣло случая и что многое можетъ быть непредвидѣннымъ, что рѣшитъ ее вдругъ, совершенно въ другомъ направленіи, чѣмъ ожидаешь. Мы же, въ случаѣ войны, можемъ быть поставлены лицомъ къ лицу съ такимъ чудовищнымъ врагомъ, о которомъ мы еще не имѣемъ понятія.

— Почему же вы не выскажете этого Императору?—спросилъ я.

— Я говорилъ съ нимъ объ этомъ, но развѣ вы не знаете его обыкновенія уклоняться въ нѣ-

которыхъ случаяхъ отъ прямого отвѣта. Увидѣвъ мое безпокойство, онъ разсмѣялся, замѣтивъ что нашъ разговоръ носилъ чисто академическій характеръ и что, насколько онъ знаетъ, никто не думаетъ объявлять намъ войны. Однако онъ не сказалъ, что и самъ не сдѣлаетъ этого по отношенію къ другимъ. А между тѣмъ, въ продолженіе всего нашего разговора, онъ неоднократно возвращался къ вопросу о томъ, готова ли Германія?

— Что же вы ему отвѣтили на это?

— Правду. Я сказалъ ему, что мы готовы, что наша артиллерія сильнѣйшая въ мірѣ и, насколько человѣческій умъ въ состояніи предвидѣть, можно предполагать, что въ случаѣ нужды, намъ удастся съ успѣхомъ бороться хотя-бы противъ всего міра.

— А затѣмъ?...

— А затѣмъ онъ отпустилъ меня. Но какъ вы думаете, что сказалъ онъ мнѣ, прощаясь?

Я вопросительно взглянулъ на моего друга.

„Мы возобновимъ этотъ разговоръ въ другой разъ, теперь же я долженъ опять поговорить съ Тирпитцемъ". Вотъ его послѣдніе слова когда я выходилъ изъ комнаты.

4-го Іюля 1914 г.

Я не находилъ себѣ мѣста въ теченіе двухъ дней. Тяжелое впечатлѣніе отъ моего разговора съ Мольтке не покидало меня, но я все еще не

могъ повѣрить въ ужасное открытіе моего друга. Возможно ли, чтобы Императоръ притворялся въ теченіе столькихъ лѣтъ и обманывалъ своихъ лучшихъ друзей? Все это никакъ не укладывалось въ моей головѣ. Врядъ ли кому лучше меня были извѣстны недостатки моего царственнаго друга, но у меня никогда не было и малѣйшей тѣни подозрѣнія на существующую въ немъ двуличность. Если же это правда, если онъ дѣйствительно стремился и стремится къ войнѣ и, забывъ свои прежнія обѣщанія, поддастся своимъ честолюбивымъ замысламъ, то вѣра моя въ людей исчезнетъ. Нѣтъ, этого быть не можетъ; Мольтке ошибся! Но для чего же тогда это свиданіе съ Тирпитцемъ, котораго Императоръ видѣлъ нѣсколько дней тому назадъ въ Килѣ, гдѣ, казалось-бы, онъ успѣлъ ему сказать все, что ему нужно было? Мнѣ надо выяснить это во чтобы то ни стало и для этого не теряя времени, отправиться въ Потсдамъ, подъ предлогомъ узнать, когда ѣдемъ въ Норвегію. Богъ дастъ, мои опасенія окажутся безпричинными.

Я видѣлъ Императора, показавшимся мнѣ спокойнѣе, чѣмъ былъ. Онъ избѣгалъ касаться политическихъ вопросовъ и говорилъ только о предстоящей поѣздкѣ въ Норвегію.

Онъ пригласилъ меня остаться позавтракать. За столомъ настроеніе его было самое благодушное. Онъ расточалъ комплименты Императрицѣ, по поводу платья, надѣтаго ею въ первый разъ и

Онъ пригласилъ меня остаться позавтракать. За столомъ настроеніе его было самое благодушное.

даже неоднократно съ необыкновенной нѣжностью отзывался о кронъ-принцѣ, что меня, признаться, весьма удивило. Я осмѣлился замѣтить, что радъ улучшенію отношеній между нимъ и старшимъ его сыномъ, на что ВильгельмъII отвѣтилъ: —время все излѣчиваетъ, мой другъ,— даже мальчишеское своенравіе. Кронъ-принцъ уже мужчина и понялъ, что смѣшно разыгрывать ребенка. Онъ долженъ быть готовымъ каждую минуту принять на себя самыя отвѣтственныя обязанности. Я не безсмертенъ, да, наконецъ, и при моей жизни возможны всякія случайности, которыя заставятъ его измѣнить свои взгляды.

Послѣднія слова Императора вызвали во мнѣ прежнее чувство безпокойства, исчезнувшее было въ началѣ завтрака. Какія событія въ состояніи отрезвить упрямаго, пылкаго, молодого наслѣдника престола? Европѣ не грозитъ опасность, доказательствомъ чего служитъ то, что Императоръ полонъ самыми миролюбивыми намѣреніями и спокойно собирается на морскую прогулку. Императрица попрежнему невозмутима, да и вся атмосфера Потсдамскаго дворца пропитана спокойствіемъ и лѣтнею сонливостью.

Оставшись со мною послѣ завтрака въ кабинетѣ, Вильгельмъ II далъ волю своему настроенію и я, глядя на него, почти забылъ свои опасенія. — Я радъ буду отдохнуть нѣсколько дней отъ государственныхъ дѣлъ,—сказалъ онъ мнѣ;— бываютъ моменты, гдѣ и мнѣ нуженъ отдыхъ. Вѣдь человѣкъ не машина.

— Я радъ видѣть Ваше Величество въ такомъ прекрасномъ настроеніи,—сказалъ я.

— Да, я въ великолѣпномъ настроеніи, мой другъ,— отвѣтилъ онъ. Я всегда таковъ, когда приду къ какому нибудь великому рѣшенію и мнѣ удастся побороть нѣкоторыя сомнѣнія.

— Ваше Величество всегда приходитъ къ правильному рѣшенію, даже, если первое побужденіе было ошибочнымъ.

Императоръ ничего не отвѣтилъ и нѣкоторое время сосредоточенно слѣдилъ за тоненькой струйкой дыма своей сигары. Затѣмъ отвернувшись отъ окна, сквозь которое виднѣлись живописныя дали парка, онъ рѣзко заговорилъ:—Да, я хорошо понимаю свои обязанности, по отношенію къ моему народу, моей странѣ и династіи; найдутся люди, не понимающіе этихъ обязанностей и оспаривающіе ихъ. Не забывайте, что обязанности бываютъ различны, смотря по положенію и отвѣтственности даннаго индивидуума. Мои обязанности не тѣ-же, что Ваши,—и наоборотъ.

Онъ пристально посмотрѣлъ на меня, точно желая угадать мои мысли и продолжалъ тѣмъ же серьезнымъ тономъ:

— Думали ли вы когда нибудь о томъ, другъ Аксель, что мой дѣдъ умеръ, не доведя до конца поставленную имъ себѣ задачу? Онъ воскресилъ въ своемъ лицѣ, идею древне-германской имперіи, когда короновался въ Версали, но этого было недостаточно. Посмотрите на Германію съ геогра-

фической точки зрѣнія; она окружена врагами, лишена необходимаго выхода въ открытое море, кромѣ искусственнаго пути; можетъ ли она, въ такомъ положеніи, играть подобающую ей роль въ судьбахъ народовъ? Намъ ставятъ въ укоръ нашъ милитаризмъ, но, отказавшись отъ него, будемъ ли мы въ состояніи сохранить Германію, созданную великими войнами моего дѣда? Однако, мы не можемъ вѣчно сохранять то оборонительное положеніе, которое занимаемъ теперь; не можемъ, потому что оно уже ложно истолковано, а чтобы заставить замолчать нашихъ враговъ, мы должны рѣшиться на послѣднее усиліе.

Каждое слово Императора тяжелымъ камнемъ ложилось на мою душу. Мольтке былъ правъ. Императоръ сбросилъ личину и предсталъ, предо мной въ своемъ настоящемъ освѣщеніи.

Казалось онъ угадалъ мои мысли и сказалъ улыбаясь:

— Не придавайте моимъ словамъ слишкомъ мрачнаго значенія, мой другъ, увѣряю васъ, что не замышляю ничего дурного противъ моихъ сосѣдей; но старость приближается быстрыми шагами и я долженъ серьезно подумать о будущей судьбѣ Германіи. Когда становишься дѣдомъ, вполнѣ естественно, что заботишься о будущемъ своихъ внуковъ. Пока я живъ, все будетъ по моему, но кто поручится мнѣ, что послѣ моей смерти, кронъ-принцъ будетъ продолжать мою политику? Не лучше ли будетъ оставить ему наслѣдство столь великое, что невозможно будетъ

его расточить, и на столь крѣпкихъ основахъ, что ничто не въ силахъ будетъ его отторгнуть отъ него? Слову „война“ я придаю совсѣмъ иное значеніе, чѣмъ вы; но я думалъ о ней всегда, съ того самаго момента, какъ занялъ мѣсто моего отца, но тогда мы еще не были готовы, тогда какъ теперь...

Онъ остановился на минуту и затѣмъ продолжалъ:

— Теперь мы готовы, но вопросъ въ томъ, можемъ ли мы продолжать быть готовыми вѣчно? Къ чему всѣ эти жертвы, если нельзя извлечь изъ нихъ пользы? Вотъ что безпокоитъ меня уже въ продолженіе многихъ лѣтъ. А убійство эрцгерцога, не говоря о немъ, какъ объ ужасномъ злодѣяніи, повлечетъ за собою важныя послѣдствія, не только по отношенію къ Австріи, но и для всего міра. Сможетъ ли неопытный мальчишка, эрцгерцогъ Карлъ, внушить уваженіе къ Габсбургскому дому и начертать планъ дальнѣйшей политики Австріи? Нѣтъ, если и можно что предпринять, то слѣдуетъ это сдѣлать еще при жизни стараго Императора. Послѣ его смерти будетъ уже поздно.

— Но что же мы должны предпринять?— спросилъ я.

— Теперь, другъ мой, вы затрагиваете вопросъ, на объясненіе котораго требуется слишкомъ много времени. Къ тому же вы должны помнить, что я касаюсь лишь возможностей, но никакъ не вѣроятностей.

Онъ опять улыбнулся. Я былъ окончательно сбитъ съ толку, не понимая, серьезенъ ли онъ или шутитъ. Желая придать разговору дѣльный характеръ, я спросилъ его,—каковы отношенія между Россіей и Австріей и не повліяетъ ли на нихъ, смерть эрцгерцога, въ ту или иную сторону.

— Другъ Аксель, другъ Аксель, не задавайте подобныхъ вопросовъ,—чтобы отвѣтить на нихъ, надо быть человѣкомъ значительно умнѣе меня; скажу лишь, что по моему мнѣнію, въ данный моментъ все зависитъ отъ Сербіи.

— Какое же отношеніе можетъ имѣть офиціальная Сербія къ вопросу объ убійствѣ эрцгерцога?—спросилъ я.

— Имѣетъ она отношеніе или нѣтъ—несущественно,—отвѣтилъ Императоръ. Все дѣло въ томъ, возможно ли будетъ *придать ей видъ* соучастницы въ этомъ преступленіи. Повѣрьте мнѣ, мой другъ, въ этомъ мірѣ важны не обстоятельства сами по себѣ, а то освѣщеніе, въ которомъ они представлены. Вотъ въ чемъ ключъ къ разгадкѣ многихъ политическихъ событій, потрясавшихъ въ свое время міръ.

Онъ остановился и замѣтивъ недоумѣніе, отразившееся на моемъ лицѣ, хлопнулъ меня по плечу, со словами: не будьте же такъ угрюмы; ничто не помѣшаетъ нашей поѣздкѣ. Черезъ недѣлю мы будемъ въ странѣ Полуночнаго Солнца, далекіе отъ всякой политики, близкіе къ природѣ, величайшей изъ наставницъ, ученія которой непогрѣшимы. Забудьте о томъ, что я вамъ сказалъ,

и смотрите на все это не болѣе, какъ на фантазію разгоряченаго ума. Не хотите ли закурить?

Императоръ протянулъ мнѣ свой портсигаръ. Понявъ, что онъ хочетъ перемѣнить тему разговора, я сталъ обсуждать подробности предстоящей намъ морской прогулки и вся наша послѣдующая бесѣда была далека отъ политики.

Ясно, что Императоръ что-то тщательно отъ насъ скрываетъ. Онъ размышляетъ надъ чѣмъ то, чего не рѣшается высказать даже своимъ близкимъ друзьямъ, быть можетъ изъ боязни не встрѣтить въ нихъ сочувствія. Но въ чемъ состоитъ его тайный планъ? Если бы Максъ Фюрстенбергъ былъ въ Берлинѣ, я постарался бы черезъ него узнать въ чемъ дѣло. Императоръ благоволитъ къ нему и не боясь проницательности—которая у него отсутствуетъ—иногда при немъ не удерживается отъ откровенныхъ словъ, могущихъ навести другихъ на правильное истолкованіе его намѣреній. Но легкомысленный простодушный Максъ въ настоящее время въ Вѣнѣ оплакиваетъ трагическую смерть своего эрцгерцога, а безъ него, никто не въ состояніи мнѣ помочь въ данномъ вопросѣ.

На Императорской яхтѣ „Гогенцоллернъ".

Іюль, 1914 г.

Три дня тому назадъ мы покинули Германію. Императоръ въ великолѣпномъ настроеніи и оказался очаровательнымъ спутникомъ. Тѣсная ин-

тимность въ отношеніяхъ между участниками морской прогулки, давала возможность внимательнѣе присмотрѣться къ нему, и я убѣдился, что отъ его прежней меланхоліи не осталось и слѣда. Вопреки всеобщему ожиданію, онъ не поѣхалъ на похороны своего друга, мотивируя свое рѣшеніе тѣмъ, что врачи запретили всякое лишнее волненіе престарѣлому монарху, едва оправившемуся отъ перенесенной имъ весной болѣзни.—Кромѣ того,—прибавилъ Вильгельмъ II, лучше будетъ не дать Францу-Іосифу возможности совѣтоваться съ кѣмъ бы то ни было, относительно того, какъ ему слѣдуетъ реагировать на убійство племянника.

Послѣднее замѣчаніе Вильгельма II заставило меня насторожиться. Несмотря на туманныя фразы, я понялъ, вѣрнѣе, почувствовалъ, что онъ знаетъ относительно всего этого болѣе, нежели я предполагалъ. Но все же я не могу вѣрить въ возможность осложненій, могущихъ возникнуть изъ той кровавой трагедіи. Прежде всего это было подлое убійство, за которое сербское правительство первое пожелаетъ достойно наказать преступниковъ. Конечно, я не назову Короля Петра и г. Пашича святыми, но они и не сумасшедшіе,—а было бы съ ихъ стороны безуміемъ, принимать участіе въ подобномъ дѣлѣ и подговорить кого бы то ни было, къ убійству беззащитной женщины, какъ герцогиня Гогенбергъ. Поэтому, я увѣренъ что Сербское правительство, въ случаѣ запроса, не откажется принять участіе въ разслѣдованіи, начатомъ австрійскими властями. Все это я вы-

сказалъ Императору, который загадочно улыбнувшись, отвѣтилъ:

— Посмотримъ. Надѣюсь, что вы правы мой другъ, но, долженъ вамъ сознаться, что въ настоящій моментъ, я радъ быть вдали отъ Берлина.

23-го Іюля 1914 г.

Изъ Берлина прибылъ курьеръ, привезшій Императору обильную корреспонденцію и свѣжіе нумера нѣмецкихъ газетъ. Въ послѣднихъ сообщалось объ ультиматумѣ, представленномъ Сербіи Вѣнскимъ Кабинетомъ.

Что могу я сказать относительно послѣдняго, развѣ только то, что онъ явился громомъ съ яснаго неба. Не сошелъ ли Францъ-Іосифъ съ ума? А графъ Берхтольдъ? Какъ могъ онъ рѣшиться на подобный неслыханный шагъ не запросивъ предварительно мнѣнія нашего министерства иностранныхъ дѣлъ и не доложивъ объ этомъ нашему Императору? Поступокъ австрійскаго правительства кажется мнѣ чудовищнымъ, и смутныя опасенія, мучившія меня, съ момента убійства Франца-Фердинанда, вылились вдругъ въ ясную и опредѣленную форму. Я не находилъ себѣ мѣста и съ нетерпѣніемъ ожидалъ выхода кайзера изъ каюты. Онъ появился только къ обѣду, и казался въ чрезвычайно веселомъ настроеніи. Его громкій смѣхъ постоянно раздавался, и коробилъ меня неимовѣрно.

Ночь была на рѣдкость тихой и теплой, и сѣверный полумракъ придавалъ ей особенное очарованіе. Фіорды Норвегіи необыкновенно живописны, и гладкая какъ зеркало поверхность воды, по которой бузшумно скользила наша яхта, напоминала Средиземное море, своей чистой голубой окраской. Императоръ сидѣлъ въ качалкѣ, на капитанскомъ мостикѣ, наслаждаясь душистой сигарой. Глаза его были полузакрыты. Онъ молчалъ, точно боялся нарушить волшебную тишину сѣверной ночи. Но наконецъ, подозвавъ меня къ себѣ, онъ заговорилъ тихимъ голосомъ, снова возвращаясь къ преслѣдовавшему меня вопросу.

— Итакъ, Австрія выступаетъ, мой другъ,— сказалъ онъ.—Интересно знать, къ чему поведетъ предпринятый ею шагъ?

— Осмѣлюсь-ли я предположить, что Вашему Величеству было извѣстно готовящееся рѣшеніе Австріи?

— Мнѣ извѣстно? Вы ошибаетесь, мой другъ. Я ничего не зналъ, да и почему мнѣ это знать? Вѣдь это меня ничуть не касается, и я даже отказался отъ своей поѣздки въ Вѣну, чтобы не давать повода говорить, что я былъ замѣшанъ въ данномъ вопросѣ.

— Но это значитъ, что Францъ-Іосифъ все-таки сообщилъ Вамъ о своемъ намѣреніи?

— Сообщилъ? Да нѣтъ же! Австрія—независимое государство и не обязана давать мнѣ отчета въ своихъ поступкахъ. Тутъ мы имѣемъ дѣло съ

ея личными интересами. Я могъ *предполагать* кое-что, но Вы сами знаете, какъ безполезно тревожиться пустыми догадками.

— Ваше Величество!—воскликнулъ я, и самъ удивился тону, который я безсознательно принялъ. — Австрія никогда не посмѣла-бы предъявить подобный ультиматумъ, безъ увѣренности въ одобреніи Германіи.

— Во-первыхъ, какъ можетъ Германія одобрять или порицать то, что такъ мало ея касается; а во-вторыхъ, какъ могу я или моя страна порицать вполнѣ естественное желаніе Франца-Іосифа, отомстить за смерть племянника и наслѣдника престола?

— Месть!—воскликнулъ я.—Нѣтъ, не месть здѣсь играетъ главную роль, и Ваше Величество никогда не убѣдитъ меня въ томъ, что Императоръ Францъ-Іосифъ такъ любилъ своего племянника, чтобы изъ-за него рисковать своей короной.

— Откуда вы взяли, что корона моего почтеннаго союзника въ опасности?—спросилъ Вильгельмъ II.

— Ваше Величество, вы дѣлаете видъ, что не понимаете меня; такъ и быть выскажусь яснѣе: Сербія не можетъ принять подобнаго ультиматума и, даже въ томъ случаѣ, если бы она этого пожелала, Россія никогда не позволитъ ей этого.

— Какое Россіи до этого дѣло? — спросилъ онъ безпечнымъ тономъ, принимаемый имъ, когда онъ желаетъ вывести своего собесѣдника изъ терпѣнія.

—Откуда вы взяли, что корона моего почтеннаго союзника въ опасности?—спросилъ Вильгельмъ II.

— Россія главный двигатель въ Сербіи, какъ Ваше Величество прекрасно знаетъ, и униженіе Сербіи, равносильно потери престижа Россіи на Балканахъ. Ни Царь, ни Его совѣтники никогда не примирятся съ этимъ..

— Россіи такъ же мало дѣла до Сербіи, какъ мнѣ до Австріи, въ вопросахъ личныхъ ихъ интересовъ. Пусть Россія посидитъ спокойно; ей будетъ полезно научиться, что съ ней не считаются въ вопросахъ, въ концѣ концовъ ея не касающихся.

— Ваше Величество намѣрены не понимать меня, — повторилъ я, — Сербія ищетъ сближенія съ Россіей, какою бы то ни было цѣной. Безъ сомнѣнія, въ данный трудный для нея моментъ, она обратится за поддержкой къ Россіи, которая, конечно, не можетъ иначе отвѣтить, какъ обѣщаніемъ, что въ случаѣ настаиванія Австріи на своихъ требованіяхъ, послѣдняя станетъ лицомъ къ лицу съ угрозой русскаго вмѣшательства.

— Мой кузенъ Николай никогда не сдѣлаетъ этого!—сказалъ Императоръ.—Неужели же Онъ, изъ за какой то маленькой Сербіи, которая не можетъ ему быть полезной ни въ чемъ, приметъ вызовъ и подвергнетъ свое государство серьезнымъ послѣдствіямъ?

— Ваше Величество забываетъ, что Россія всегда считала себя покровительницей славянъ Балканскаго полуострова и никогда не откажется отъ этой традиціи.

— Но злодѣяніе остается злодѣяніемъ. Не можетъ же Россія настаивать на томъ, чтобы преступники остались безнаказанными.

— Никто не станетъ на этомъ настаивать, но существуетъ огромная пропасть между этимъ и тѣмъ, чтобы Сербія согласилась изъ свободной страны превратиться въ вассала Австріи, чего послѣдняя и добивается въ своемъ ультиматумѣ.

— Ахъ, мой другъ!—воскликнулъ императоръ. Стоитъ ли въ эту дивную ночь утруждать себя подобными разсужденіями? Забудемъ же на время о вѣчно волнующемся, суетномъ мірѣ и вспомнимъ слова Корана: „Всѣ мы не болѣе чѣмъ пальцы на рукѣ Аллаха“. Какое намъ дѣло до того, что нѣкоторые пальцы вооружились стальными ногтями?

— Аллахъ тутъ не при чемъ,—рѣзко возразилъ я,— развѣ только Ваше Величество захочетъ принять на себя роль его пророка. Мы должны серьезно обсудить вопросъ о тройственномъ союзѣ, поведеніе котораго не должно раздражать ни Россіи, ни ея приверженцевъ. Мы должны всѣми силами стремиться къ мирному улаженію конфликта, чтобы избѣжать ужаснѣйшей войны, которая когда либо существовала.

— Но кто же собирается воевать, мой другъ? Насколько мнѣ извѣстно, я и не упоминалъ до сихъ поръ слово „война“. Отчего намъ начинать войну?

— Оттого что Россія ее начнетъ,—воскликнулъ я, — и, честное слово, мнѣ какъ будто кажется, что этого то вы и добиваетесь!

— Ничего я не добиваюсь; я наслаждаюсь своимъ отдыхомъ въ Норвегіи, предоставивъ министрамъ разбираться въ данномъ случаѣ самимъ. Но если бы понадобилось *мое* мнѣніе, то оно заключалось бы въ томъ, что какъ Россія, такъ и Австрія, достигли возраста, при которомъ могутъ сами разбираться въ своихъ спорахъ.

— А что если Австріи, въ свою очередь придется считаться съ ультиматумомъ со стороны Россіи?

— Другъ мой, мы успѣемъ объ этомъ подумать, когда это случится. Надѣюсь по крайней мѣрѣ, что это не послужитъ причиной перерыва нашего пріятнаго плаванія.

Я былъ настолько раздраженъ, что чуть было не удалился, но во-время вспомнилъ о томъ, съ кѣмъ разговариваю. Я не могъ понять Императора. Меня удивляло спокойствіе и безпечность, съ которыми онъ касался самыхъ важныхъ, животрепещущихъ вопросовъ. Мнѣ пришли на умъ слова Мольтке и ужасъ охватилъ меня, когда я всматривался въ этого, съ дѣтства знакомаго Вильгельма, настолько чуждаго, однако, мнѣ теперь.

Я молчалъ и продолжалъ нервно курить въ ожиданіи дальнѣйшихъ словъ Императора. Помолчавъ нѣсколько минутъ, онъ всталъ, подошелъ къ борту судна, а затѣмъ, повернувшись ко мнѣ, проговорилъ, какъ ни въ чемъ не бывало: „какъ чудесна эта ночь и какъ прекрасно все кругомъ. Почему такія мгновенія не длятся вѣчно! Нѣтъ, нехорошо устроенъ этотъ міръ другъ Аксель!“

— Не стану притворяться непонимающимъ Ваше Величество, — возразилъ я, желая возобновить прерванный разговоръ,— но все же мнѣ хочется вѣрить, что Австрія поступитъ благоразумно и серьезно взвѣситъ всѣ обстоятельства, прежде чѣмъ вступить на путь, съ котораго уже нѣтъ возврата.

— А вы думаете, если она обратится вспять, такъ другіе покорно послѣдуютъ ея примѣру? Не одна Австрія замѣшана въ этомъ вопросѣ: противъ нея стоятъ русская печать и русская публика, честолюбіе президента Пуанкаре, дерзость французскихъ журналистовъ,—всѣ опасности которыя намъ угрожаютъ и давно угрожали, въ то время, когда я еще только могъ молчать. Я долго испытывалъ свое терпѣніе,—слишкомъ долго для монарха, передъ которымъ стоитъ трудная задача. Вы думаете, что это мнѣ легко давалось? Развѣ не страдала моя гордость, патріотизмъ и честолюбіе отъ всѣхъ оскорбленій, сыпавшихся на меня? Но я долженъ былъ молчать, потому что я не могъ иначе поступить, потому что мы не были готовы къ борьбѣ, потому что у меня не было увѣренности выйти изъ нея побѣдителемъ. И вотъ, пробилъ наконецъ часъ, въ который я могу смѣло сбросить маску. Не понимаете-ли вы то несказанное облегченіе, которое я испытываю теперь, когда могу вздохнуть свободно, послѣ 25-ти лѣтъ прошедшихъ съ тѣхъ поръ, что я понялъ, что Германія недостаточно могущественна и не достигла еще великой цѣли, къ которой она пред-

назначена. Я не добиваюсь войны, но не двину пальцемъ, чтобы ее предотвратить. Спокойно и увѣренно я буду ждать ея, и, начавъ борьбу безъ сожалѣнія и безъ милосердія, я доведу ее до конца, никого и ничего не щадя, разрушая все, чѣмъ я не смогу овладѣть.

Въ то время, какъ говорилъ Императоръ, мѣсяцъ, ярко освѣщавшій все вокругъ, зашелъ за тучи. Фигура Вильгельма, слившаяся съ наступившей темнотой, какъ то странно вытянулась, выростая высоко надъ яхтой и отражаясь въ серебряной глади воды, и казалась великаномъ, готовымъ раздавить въ своей огромной рукѣ, судно со всѣмъ его экипажемъ.

24-го Іюля 1914 г.

Я провелъ безсонную ночь и на утро всталъ разбитымъ и изнервничавшимся. Вѣра въ моего обожаемаго Императора въ теченіе столькихъ лѣтъ теплившаяся въ моемъ сердцѣ, была окончательно поколеблена, боюсь сказать „уничтожена“. Что могло такъ внезапно измѣнить его характеръ и превратить его въ звѣря, рыщущаго въ поискахъ добычи? Неужели же онъ былъ способенъ, притворяться въ теченіе двадцати пяти лѣтъ.

Я не согласенъ съ нимъ, что Германія еще не достигла апогея своихъ стремленій. Въ настоящій моментъ она—первая сила въ Европѣ. Никого такъ не боятся, не уважаютъ какъ ее,

какъ ее, никому такъ не довѣряютъ. Со смертью Императора Александра III, Вильгельмъ II сдѣлался самымъ вліятельнымъ монархомъ въ Европѣ, затмивъ даже такого тонкаго политика, какимъ былъ Король Эдуардъ VII. Съ исчезновеніемъ послѣдняго, нашъ монархъ благодаря своему уму, опыту и такту захватилъ въ свои руки нити всѣхъ дипломатическихъ операцій міра и ему постепенно удалось побороть то недовѣріе къ себѣ, которое въ началѣ его правленія внушали его молодость и чрезмѣрная пылкость. Въ самыя критическія минуты, когда спокойствіе Европы висѣло на волоскѣ, онъ никогда не подливалъ масла въ огонь, но наоборотъ всегда являлся вѣстникомъ мира, и если бы теперь у него были воинственные планы въ головѣ, то не сталъ бы онъ въ такую минуту, когда судьба его страны поставлена на карту, спокойно наслаждаться красотами норвежскихъ фіордовъ; нѣтъ, я положительно брежу; тяжелый кошмаръ давитъ меня и я увѣренъ, что одного взгляда моего Императора будетъ достаточно, чтобы разсѣять мучившія меня сомнѣнія.

Длинный томительный день пришелъ къ концу. Тщетно надѣялся я, что онъ принесетъ мнѣ успокоеніе. Императоръ былъ по прежнему въ прекрасномъ настроеніи. Мы снова обсуждали съ нимъ настоящій политическій моментъ и въ своемъ разговорѣ онъ уже не высказывалъ прежней горячности, а напротивъ выражалъ самую спокойную увѣренность въ мирное улаженіе конфликта.

Телеграфъ принесъ извѣстіе о томъ, что Россія обратилась къ Австріи съ предложеніемъ продлить срокъ, данный Сербіи на обсужденіе предложеннаго ей ультиматума. Императоръ сказалъ мнѣ, что находитъ эту просьбу вполнѣ разумной, но мой вопросъ, каковъ по его мнѣнію будетъ отвѣтъ Австріи, оставилъ безъ вниманія, только повторяя, что нужно предоставить Австріи разобраться съ Сербіей самой и, что всякое постороннее вмѣшательство въ этотъ вопросъ будетъ неумѣстнымъ. Онъ осуждалъ поступокъ наслѣдника сербскаго престола, обратившагося къ Русскому Императору, прося помощи противъ Австріи.

— Не забудьте,—добавилъ онъ,—что Германія—союзница Австріи и этотъ союзъ въ высшей степени популяренъ въ нашей странѣ; такъ что всякая непріязнь Россіи по отношенію къ Австріи можетъ быть принята германскимъ обществомъ за враждебный выпадъ и противъ насъ самихъ.

— Это едва ли возможно, если Ваше Величество приметъ въ соображеніе, что вмѣшательство Россіи непремѣнно будетъ въ пользу мира.

Послышался шумъ приближающагося судна и небольшой катеръ, посланный отъ Императорской яхты за корреспонденціей въ маленькую Норвежскую деревушку, недалеко отъ которой мы стояли на якорѣ, подошелъ вплотную къ борту „Гогенцоллернъ'а" и изъ него вышелъ и поднялся на палубу курьеръ, отправленный изъ Берлина съ важными сообщеніями.

Противъ обыкновенія Императоръ не удалился въ свою каюту для чтенія ихъ, а тутъ же нетерпѣливо разорвалъ конвертъ. По мѣрѣ того, какъ онъ пробѣгалъ строчку за строчкой, выраженіе его лица быстро мѣнялось и, нахмуривъ брови, онъ повернулся ко мнѣ со словами:

— Событія развертываются необыкновенно быстро; Сербія приняла ультиматумъ Австріи, за исключеніемъ нѣкоторыхъ пунктовъ, не имѣющихъ никакого значенія.

Я облегченно вздохнулъ, не вѣря своимъ ушамъ,—до того это извѣстіе поразило и обрадовало меня.

Императоръ замолчалъ и сосредоточенно уставился на воду. Казалось, онъ задумался надъ разрѣшеніемъ какой-то сложной задачи. Наконецъ, нетерпѣливымъ жестомъ, отбросивъ свою сигару, онъ проговорилъ, не обращаясь ни къ кому въ особенности.

— Глупый народъ! Почему такъ трудно заставить людей понять, что отъ нихъ требуется, не называя непремѣнно все по имени!

На это неожиданное замѣчаніе я не нашелъ отвѣта, но ясно понялъ, что нашъ монархъ чѣмъ-то сильно встревоженъ.

Вскорѣ тайна раскрылась. Встрѣтившись послѣ обѣда съ флигель-адъютантомъ Императора, я услышалъ отъ него по секрету, что телеграмма необыкновенной важности, адресованная Францу-Іосифу, полетѣла въ Вѣну.

— Что же могла она содержать?—спросилъ я.

— Надежду на то, что Австрія будетъ требовать полнаго удовлетворенія Сербіей всѣхъ пунктовъ, предложенныхъ ей въ ультиматумѣ, — послѣдовалъ неожиданный отвѣтъ.

— Но вѣдь Австрія уже получила удовлетвореніе; больше уступить, чѣмъ уступила Сербія нельзя. И по какому праву Пруссія вмѣшивается въ личныя дѣла Вѣнскаго и Бѣлградскаго кабинетовъ?

Произнося эти слова, я вдругъ вспомнилъ, какъ горячо Императоръ ратовалъ за невмѣшательство великихъ державъ въ могущее произойти столкновеніе между Австріей и Сербіей. Такъ что-же это означаетъ? Онъ, такъ жестоко осуждавшій Россію за предполагаемое участіе ея въ этомъ спорѣ,—теперь самъ дѣлаетъ то, за что укоряетъ другихъ! Значитъ онъ дѣйствительно меня обманывалъ! Холодный потъ выступилъ у меня на лбу. Я въ первый разъ уличилъ моего Императора въ сознательной лжи, и открытіе это было неимовѣрно горькимъ для меня. Неужели постоянно говоря о необходимости сохраненія мира въ Европѣ, онъ самъ ни на минуту не прекращалъ военныхъ приготовленій, ведя дѣла такимъ образомъ, чтобы война вспыхнула именно въ тотъ моментъ, когда онъ можетъ выступить во всеоружіи, на неподготовленнаго и застигнутаго врасплохъ противника?

Нѣтъ, это предположеніе слишкомъ чудовищно, я хочу, я долженъ его отогнать отъ себя.

25-го Іюля 1914 г.

Вчера мнѣ такъ и не удалось повидать Императора. Онъ обѣдалъ въ своей каютѣ и за весь день ни разу не показался на палубѣ. Сегодня же онъ почему то демонстративно избѣгалъ разговоровъ на волновавшую всѣхъ тему.

26-го Іюля 1914 г.

Полученныя сегодня телеграммы, сообщенныя намъ Императоромъ, принесли извѣстія о начавшейся въ Сербіи мобилизаціи, а также о мобилизаціи 10-ти русскихъ корпусовъ.

— Теперь вы можете удостовѣриться въ благожелательности къ намъ моего кузена Николая,— сказалъ онъ. Я не нашелъ отвѣта на это замѣчаніе; я начинаю читать въ душѣ Вильгельма, какъ въ раскрытой книгѣ и то, въ чемъ ежедневно убѣждаюсь, приводитъ меня въ ужасъ.

— Наши добрые берлинскіе граждане поняли намѣреніе русскаго Царя и не замедлили высказаться по этому поводу. Доказательствомъ этого могутъ служить анти-русскія демонстраціи на улицахъ и выраженіе самаго сердечнаго сочувствія союзной намъ Австріи. Толпа волновалась противъ зданія русскаго посольства и полиція была безсильна подавить взрывъ справедливаго

негодованія. Повѣренный въ дѣлахъ, замѣняющій посла, г. Свербеева, находящагося въ это время на обратномъ пути въ Берлинъ, возвращаясь изъ отпуска, заявилъ протестъ и жаловался фонъ-Ягову на вызывающее поведеніе толпы. Послѣдній, выразивъ свое сожалѣніе по поводу происшедшаго, сообщилъ, что не отвѣтственъ за поступки возбужденной толпы.—Услышавъ это, я замѣтилъ Императору, что такой отвѣтъ лишь косвенное одобреніе поведенію народа. Императоръ только покачалъ головой. Онъ былъ твердъ въ своемъ намѣреніи молчать, что несказанно огорчало меня, привыкшаго къ его откровенности. Я еще болѣе удивился, когда онъ коротко и рѣзко проговорилъ:

— Пора возвращаться домой; мы немедленно тронемся въ путь.

Я никогда не забуду этого возвращенія.

Подавленное настроеніе царило на „Гогенцоллернъ'ѣ“ и только Императоръ казался веселымъ и безпечнымъ. Безчисленныя телеграммы, сыпавшіяся на яхту, нисколько не вліяли на настроеніе ея хозяина. Онъ нѣсколько разъ шутливо замѣчалъ о томъ, что въ то время, какъ вездѣ царитъ безпокойство и неувѣренность въ политическомъ равновѣсіи, онъ и президентъ французской республики оба спокойно крейсируютъ въ сѣверныхъ водахъ.

— Дней 10 спустя мы могли бы захватить въ плѣнъ этого хлопотуна Пуанкаре, вмѣстѣ съ его броненосцемъ.

— Что Ваше Величество хочетъ этимъ сказать?— спросилъ я.—Мы вѣдь кажется не воюемъ съ Франціей, да и нѣтъ причинъ на то.

— Нѣтъ причинъ воевать съ кѣмъ бы то ни было; но кто можетъ поручиться за то, что черезъ нѣсколько дней мы не будемъ воевать со всѣмъ міромъ? Неужели вы думаете, что Франція будетъ спокойно смотрѣть на выступленіе Россіи?

— Но Россія, кажется не намѣрена выступать, — настаивалъ я.

— Другъ мой! Помните, что то или иное намѣреніе не болѣе, какъ естественное слѣдствіе событій, съ которыми намъ приходится сталкиваться. Кто, напримѣръ, могъ предполагать, что мой кузенъ Николай станетъ увѣрять маленькаго сербскаго королевича въ томъ, что не останется равнодушнымъ къ судьбѣ его страны? Война съ Турціей и затѣмъ съ Болгаріей представляла для нея куда больше опасностей, а между тѣмъ никто въ Россіи и не думалъ вмѣшиваться въ ихъ борьбу. Тогда, какъ теперь всѣ какъ будто помѣшаны на симпатіи къ этому жалкому народцу, зажигающему нынѣ своей глупостью и упрямствомъ міровой пожаръ.

— Въ чемъ же ея упрямство?—спросилъ я.— Наоборотъ, поведеніе ея въ высшей степени миролюбиво, и полно самоотверженія, разъ она согласилась съ предложеннымъ ей Австріей ультиматумомъ.

— Ахъ, мой другъ! Неужели вы не замѣтили, что легко согласиться на многое, будучи увѣ-

реннымъ, что это согласіе не будетъ имѣть никакого послѣдствія, кромѣ безплоднаго маранія бумаги.

— Теперь я понимаю, что Ваше Величество рѣшились на этотъ разъ втянуть Германію въ войну, которую, по Вашимъ прежнимъ заявленіямъ, Вы намѣрены были избѣгать всю Вашу жизнь.

— Я стремлюсь втянуть Германію въ войну? Вы бредите мой другъ. Единственное мое желаніе теперь поскорѣе вернуться домой, отвѣтилъ онъ.

На слѣдующій день мы были въ Берлинѣ. Въ Вильдпаркѣ близъ Потсдама, на платформѣ, ожидала Императрица, въ сопровожденіи Кронъ-принца, Кронъ-принцессы и другихъ членовъ Императорской семьи, Бетманъ-Гольвега и всѣхъ министровъ. Встрѣча носила торжественный характеръ, да и самъ Императоръ казался серьезнымъ, хотя нисколько не озабоченнымъ. Я не вышелъ въ Вильдпаркѣ, но проѣхалъ прямо въ Берлинъ, чтобы узнать о положеніи вещей.

За мое короткое отсутствіе, столица совершенно преобразилась: улицы были полны народу, газеты раскупались нарасхватъ. Нелестные эпитеты по адресу Россіи слышались со всѣхъ сторонъ; о Франціи никто даже не упоминалъ; вся ненависть берлинцевъ была направлена противъ Царя и Его народа. Мой лакей разсказалъ мнѣ, что русскіе, застигнутые въ Германіи этимъ кризисомъ, были предметами самыхъ враждебныхъ демонстрацій. Толпа открыто негодовала на Россію за ея, яко-бы, неожиданное и коварное нападеніе.

Вѣсть о мобилизаціи Австріи, полученная въ Берлинѣ за нѣсколько часовъ до моего пріѣзда, вызвала взрывъ энтузіазма.

Было ясно, что общество считаетъ Германію жертвой коварства русскихъ, вызвавшихъ конфликтъ, несмотря на все миролюбіе Кайзера и его правительства.

Я понялъ, что это дѣло рукъ близкихъ Вильгельму II людей, которымъ ничего не стоило возбудить дремавшіе дикіе инстинкты невѣжественной толпы, распустивъ слухи о томъ, что Россія, самымъ оскорбительнымъ образомъ, пренебрегла миролюбивыми совѣтами нашего Императора.

Каковы были мои чувства, когда, нѣсколько часовъ спустя, направляясь къ замку, я увидѣлъ собравшуюся передъ нимъ тысячную толпу, громкими кликами привѣтствовавшую монарха, обратившагося къ своему народу съ рѣчью, съ перваго и до послѣдняго слова, звучавшей сплошной фальшью и самой черной ложью!

28-го Іюля 1914 г.

Я пишу подъ впечатлѣніемъ рѣчи произнесенной Вильгельмомъ II-мъ къ толпившемуся у дворца народу. Иногда мнѣ кажется, что все это не болѣе, какъ отвратительный кошмаръ, который долженъ исчезнуть безвозвратно и пробужденіе отъ котораго, вернетъ меня къ дѣйстви-

тельности и прежнему душевному спокойствію. Такъ вотъ онъ, монархъ, которому я служилъ, котораго обожалъ и которому безконечно довѣрялъ! Я видѣлъ въ немъ чистаго, добросовѣстнаго человѣка, работавшаго на благо и процвѣтаніе своей страны; и вдругъ этотъ самый человѣкъ, такъ внезапно, превратился въ коварнаго, лицемѣрнаго и хитраго обманщика, въ теченіе многихъ лѣтъ втихомолку работавшаго надъ этимъ чернымъ дѣломъ. Возможно-ли это? Нѣтъ, я не могу долѣе оставаться наединѣ со своими подозрѣніями. Скорѣе во дворецъ, чтобы повидать Императора!

Вечеромъ.

Я видѣлъ императора. Одинъ Богъ знаетъ, какъ я страдалъ въ теченіе нашего разговора. Легче было бы умереть, чѣмъ видѣть паденіе моего идеала.

Вильгельмъ II принялъ меня въ своемъ рабочемъ кабинетѣ. Онъ сидѣлъ за большимъ письменнымъ столомъ, углубленный въ изученіе разложенныхъ передъ нимъ картъ и плановъ. Лицо его сильно осунулось и суровыя складки бороздили лобъ, но взглядъ былъ бодръ и рѣшителенъ. Прежде всего онъ спокойно и холодно заговорилъ о назрѣвавшей войнѣ, которую онъ считалъ неизбѣжной. Я осмѣлился спросить,

что заставило его придти къ рѣшенію стать въ защиту незаконныхъ требованій Австріи.

Императоръ пожалъ плечами и сказалъ:

— Неужели, другъ Аксель, Вы думаете, что я добиваюсь войны лишь изъ желанія помочь Австріи?

Я посмотрѣлъ на него съ глубокимъ недоумѣніемъ. Подобнаго вопроса я никакъ не ожидалъ.

— Вы удивлены тѣмъ, что я только что сказалъ?—возразилъ онъ.—Но буду съ Вами откровеннымъ, какъ подобаетъ такому старому другу. До сихъ поръ Вы считали меня за миролюбиваго Монарха и горячаго противника войны; иногда Вы даже укоряли меня въ томъ, что я слишкомъ снисходителенъ къ нѣкоторымъ нападкамъ и несправедливымъ навѣтамъ, какъ на Германію, такъ и на ея политику. Но если я молчалъ, то это не значитъ еще, что я хотѣлъ сохранить миръ какою бы то ни было цѣною, или что я не понималъ, что величіе Германіи не достигло еще той степени, до которой слѣдовало ее довести. Я былъ миролюбивъ только потому, что мы не были готовы. Я считалъ преступленіемъ начинать войну даже съ 99% шансовъ на побѣду. Германія, которую ненавидятъ всѣ и которой завидуютъ, не должна проигрывать въ чемъ бы то ни было, а тѣмъ болѣе въ войнѣ. Я старательно взвѣшивалъ всѣ возможности и случайности, и пока являлся хоть одинъ шансъ на пораженіе, я откладывалъ выполненіе своего плана, зародившагося еще въ

дѣтствѣ, когда мы съ вами мечтали о Германской имперіи, болѣе великой, чѣмъ нынѣ существующая. Мнѣ стоило 25 лѣтъ работы для созиданія прочнаго основанія, для того шага, который я наконецъ рѣшился предпринять нынѣ. Въ теченіе всѣхъ этихъ долгихъ лѣтъ, я ни на одну минуту не забывалъ о своемъ великомъ назначеніи, которое долженъ былъ или выполнить, или погибнуть.

— Взгляните на географическое положеніе Германіи, окруженной многочисленными врагами, ждущими удобнаго момента, чтобы напасть на нее и стереть ее съ лица земли. Вы думаете, что мнѣ неизвѣстна та зависть и ненависть, съ которой устремлены на насъ взоры окружающихъ? Я перенесъ оскорбленія и нападки панславистовъ и франкофиловъ. Я терпѣливо внималъ враждебнымъ рѣчамъ, умаляющимъ боевыя качества моей арміи, и обсуждающимъ возможность ея пораженія, я молчалъ, видя образовывавшіеся грозные союзы, ставившіе себѣ цѣлью уничтоженіе престижа и могущества Германіи; я мирился съ безсмысленными выкриками печати всѣхъ странъ о томъ, что само существованіе Германіи является угрозой спокойствію Европы и что всѣ народы, какъ одинъ, должны были бы съ гнѣвомъ возстать на неё для защиты своихъ правъ. Я все молчалъ.

— Если Вы думаете, что это мнѣ легко давалось, то Вы жестоко ошибаетесь, мой другъ. Каждое изъ этихъ почти ежедневныхъ оскорбленій пронизывало мое сердце, какъ раскаленное желѣзо, но ни однимъ словомъ, ни однимъ взгля-

домъ я не обнаружилъ своей уязвимости. Я былъ спокоенъ, ибо зналъ, что приближается часъ расплаты и недалекъ день, когда монархи, считающіе, что оказали мнѣ великую честь, присутствуя на свадьбѣ моей дочери, будутъ валяться въ моихъ ногахъ и склоняя свои надменныя головы передъ силой моего меча, будутъ вынуждены признать, что Германія могущественнѣйшая страна всего міра и, что ея монархъ величайшій изъ властелиновъ.

Онъ вдругъ остановился, точно испугавшись своихъ словъ. Мое душевное состояніе не поддавалось описанію. Я чувствовалъ себя пришибленнымъ, раздавленнымъ всей тяжестью свалившейся на меня моральной катастрофы. Теперь я наконецъ явно убѣдился въ томъ, что мой обожаемый императоръ, за котораго я съ радостью готовъ былъ умереть, ни что иное какъ жестокій, безпринципный разбойникъ, для котораго всѣ средства равны, лишь бы вели къ его цѣли.

— Да, продолжалъ онъ, черезъ нѣсколько дней весь міръ назоветъ меня сумасшедшимъ, когда услышитъ о вызовѣ, который я брошу Европѣ. Они сочтутъ меня за слѣпца, не видящаго пропасти, разверзающейся у него подъ ногами. Но вскорѣ они измѣнятъ свое мнѣніе и будутъ ошеломлены тѣмъ, что увидятъ.

Императоръ всталъ и подошелъ къ окну, выходившему на площадь съ воздвигнутой по среди нея статуей Вильгельма I. Онъ указалъ мнѣ на бронзовую фигуру и сказалъ:

Великій императоръ, чье мѣсто я теперь занимаю, создалъ армію,
я же далъ ей орудія.

— Великій императоръ, чье мѣсто я теперь занимаю, создалъ армію, я же *далъ ей орудія.*

Эти слова, прозвучавшіе въ тишинѣ царской комнаты, походили на звукъ комьевъ земли, ударявшихъ о крышку гроба, или на заунывный погребальный звонъ, или вообще на все несущее съ собой вѣяніе смерти и разрушенія,—эхо ихъ медленно замерло.

— Да, я далъ ей орудія. Понимаете ли Вы смыслъ этихъ словъ? Я Вамъ объясню ихъ значеніе. Слушайте: мы наконецъ владѣемъ, доселѣ не видѣнными по своей разрушительной силѣ орудіями, способными смести съ лица земли не только непріятельскія орды, но и всѣ ихъ укрѣпленія.

Онъ остановился; я ничего не отвѣтилъ ему; да и что могъ я отвѣтить на столь откровенное признаніе въ желаніи уничтоженія и разоренія міра, твореніе Бога, того Бога, передъ алтаремъ Котораго, будучи еще мальчиками, мы молились, мечтая о продолженіи нами славныхъ дѣяній нашихъ предковъ.

Молча, движеніемъ головы, Императоръ отпустилъ меня. Я низко поклонился и также молча вышелъ изъ комнаты. Прежде чѣмъ приступить къ предполагаемому массовому убійству, Вильгельмъ II уже совершилъ первое убійство; онъ уничтожилъ дружбу, связывавшую насъ въ теченіе столькихъ лѣтъ, безграничную преданность, съ которой я всегда служилъ ему и его династіи.

3-го Августа 1914 г.

Я не притрагивался къ моему дневнику въ теченіе нѣсколькихъ дней. Событія послѣдняго времени лишили меня всякаго мужества и мнѣ за нихъ совѣстно, какъ человѣку и какъ Германцу. Мой разговоръ съ Императоромъ окончательно лишилъ меня послѣднихъ иллюзій относительно его личности,—иллюзіи, которыя я такъ долго хранилъ и лелѣялъ, несмотря на все. Теперь мои глаза открылись и я увидѣлъ его въ истинномъ свѣтѣ; но Боже, какъ болѣзненно было это прозрѣніе.

Я теперь не показываюсь во дворцѣ. Къ чему-же стараться убѣдить Императора отказаться отъ плана, разработаннаго имъ издавна во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ. Теперь поздно. Жребій брошенъ. Мы бросили вызовъ всему міру и вступили въ борьбу съ сильнѣйшими державами Европы, имѣя единственной союзницей, жалкую, разваливающуюся Австрію, обреченную заранѣе на пораженіе.

Я видѣлъ Мольтке. Онъ говоритъ мало, но сознался мнѣ, что Императоръ давно посвятилъ его въ свой планъ, прося его доложить ему, когда Германія будетъ готова и въ состояніи выступить съ увѣренностью въ побѣду. Я говорилъ тоже съ фонъ-Яговымъ, который не раздѣлялъ мнѣнія Императора и не считалъ моментъ особенно благопріятнымъ для выступленія одновременно противъ

Казалось, всѣ забыли о присутствіи Высочайшей Особы, вѣнчанной одной изъ величественнѣйшихъ коронъ Европы.

Франціи и Россіи. Онъ сознался въ томъ, что войну легко было-бы избѣжать, если-бы Германія твердо заявила Австріи о своемъ желаніи сохранить Европейскій миръ. Для публики-же приказано распространять слухъ о томъ, что Россія на нихъ напала и Царь насъ обманулъ. Эта басня уже пошла въ ходъ и вѣроятно передастся въ будущія поколѣнія.

Одинъ изъ офицеровъ, назначенный на высокій командный постъ въ предстоящей кампаніи, по секрету сообщилъ мнѣ, что неофиціальная мобилизація германскихъ силъ, началась уже нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ и что теперь немногихъ дней достаточно для того чтобы перебросить милліонъ людей черезъ русскую границу и столько-же противъ Франціи. Что же касается причинъ войны, то даже онъ, такъ близко стоящій къ власти, не смогъ объяснить ихъ мнѣ. Императоръ остался неразгаданнымъ сфинксомъ, даже для тѣхъ, передъ кѣмъ онъ раскрывалъ часть своихъ мыслей.

Сегодня днемъ былъ у меня пріятель и сообщилъ возмутительную новость. Вдовствующая Императрица Россіи, по приказу Императора, задержана въ Берлинѣ, на вокзалѣ Фридрихштрассе. Несмотря на завѣдомую правдивость моего собесѣдника, я не хотѣлъ ему повѣрить и рѣшилъ лично убѣдиться въ дѣйствительности этого изумительнаго сообщенія.

Пріѣхавъ на станцію, я увидѣлъ стоявшій императорскій поѣздъ, задержанный по приказанію

Вильгельма II. Сильный отрядъ полиціи былъ разставленъ по платформѣ, но кромѣ этого, казалось, всѣ забыли о присутствіи Высочайшей Особы, вѣнчанной одной изъ величественнѣйшихъ коронъ Европы. Я обратился къ начальнику станціи съ вопросомъ—отъ кого подобное распоряженіе могло изойти. Онъ отвѣтилъ, что мѣра эта была принята по приказанію самого Императора и прибавилъ, что не знаетъ, что будетъ дальше, тѣмъ болѣе, что присутствіе иностраннаго поѣзда на линіи въ такое время, можетъ только мѣшать желѣзнодорожному движенію.

Я подошелъ ближе къ поѣзду, около котораго нервно прогуливались приближенные Императрицы, въ то время, какъ Она, слѣдила въ окно за всѣмъ происходившимъ. Возмущенію моему не было границъ; оно было сильнѣе даже того чувства неохоты видѣть Императора, которое овладѣло мною за послѣднее время, и я рѣшилъ тотчасъ же отправиться во дворецъ и узнать изъ его устъ, чѣмъ онъ объясняетъ поступокъ, который долженъ его навѣки заклеймить позоромъ.

Вильгельмъ II принялъ меня тотчасъ же. Онъ встрѣтилъ меня по прежнему любезно и, казалось, забылъ о моей недавней рѣзкости.

— Радъ васъ видѣть, Аксель,—сказалъ онъ, протягивая обѣ руки. Всѣ эти дни мнѣ сильно недоставало Васъ, а въ настоящее тревожное время, тѣмъ болѣе Вы не должны были бы покидать меня.

— Мнѣ казалось, что Ваше Величество не нуждается въ моемъ присутствіи; около Васъ такъ много людей, симпатизирующихъ Вашимъ стремленіямъ, чего въ данный моментъ я не могу сказать о себѣ. Я пришелъ къ Вамъ, желая выяснить одно недоразумѣніе, а именно—удостовѣриться въ Вашей непричастности къ задержанію въ Берлинѣ Русской вдовствующей Императрицы".

— Такъ вотъ что привело Васъ ко мнѣ?— воскликнулъ Императоръ. Вы можете успокоиться мой другъ: Императрица задержана по моему приказанію. Я не желаю, чтобы она или ея приближенные видѣли теперь наши приготовленія на восточной границѣ.

— Но, Ваше Величество, вѣдь это женщина и Императрица. Болѣе того, нужно считаться съ ея годами и не оскорблять ее, подвергая ее мѣрѣ, равносильной аресту. Никто никогда не долженъ обвинить Ваше Величество въ неучтивости по отношенію къ дамѣ.

— Вы говорите пустяки, — рѣзко прервалъ меня Вильгельмъ II.

— Чего ради, буду я разсыпаться въ любезностяхъ передъ Матерью моего злѣйшаго врага, питающаго ненависть и отвращеніе, какъ ко мнѣ, такъ и ко всей моей семьѣ. Мы воюемъ съ Россіей, такъ какъ-же мнѣ обращаться съ русской Императрицей, какъ не съ врагомъ? Сознаюсь, я едва удержался, чтобы не арестовать ее и не

отправить въ одну изъ крѣпостей, чтобы тамъ она могла спокойно дождаться, пока Ея сынъ не придетъ Ее освободить. Однако ей пришлось бы долго ждать, я, пожалуй, скорѣе буду въ Петербургѣ, чѣмъ Его арміи увидятъ германскую землю.

— Ваше Величество вѣроятно шутитъ? — спросилъ я.—Неужели рыцарская любезность, которой Вы всегда такъ хвалились позволитъ Вамъ забыть старыя традиціи простой вѣжливости по отношенію къ беззащитной женщинѣ?

Вильгельмъ разсмѣялся отрывистымъ, непріятнымъ смѣхомъ.

— Отчего же не поговорить о рыцарствѣ и о прочихъ сказкахъ, когда есть время. Но теперь намъ не до того. Вспомните, что мы стоимъ лицомъ къ лицу съ грубой истиной. Мы воюемъ съ Россіей и чѣмъ скорѣе она пойметъ, что мы не намѣрены терять времени на безплодную сантиментальность, тѣмъ лучше будетъ для нея.

А Императрица, о которой вы такъ хлопочете, для меня не больше и не меньше, какъ Мать моего врага, Который, дай ему власть, съ наслажденіемъ стеръ бы съ лица земли меня, мою династію и мой народъ. Она пріѣхала сюда? Отлично, пусть же побудетъ съ нами нѣсколько долѣе, чѣмъ предполагала.

— Но Ваше Величество забыли, что, отправляясь изъ Лондона, Она просила разрѣшенія проѣхать черезъ Берлинъ, на что Ваше Величество

согласились, обѣщая не чинить этому никакихъ препятствій.

— Обѣщанія! стоитъ ли говорить о нихъ: въ политикѣ обѣщанія служатъ лишь для того, чтобы ихъ не исполнять.-

— Я не вижу причемъ тутъ политика,—горячо возразилъ я.—Вижу только, что Вы дали слово женщинѣ и его не сдержали.

Императоръ вздрогнулъ, но ничего не сказалъ.

— Ваше Величество,—началъ я,—знаете какъ Вамъ нужно было бы поступить?

— Какъ же?

— Вы должны были бы немедленно попросить кронъ-принцессу съѣздить на вокзалъ съ корзиной цвѣтовъ и сказать своей тетѣ, что хотя война и существуетъ между Германіей и Россіей, но что Германскій Императоръ не имѣетъ привычки воевать съ женщинами и выражаетъ матери своего врага чувство глубокаго уваженія, предоставляя ей всѣ средства для безпрепятственнаго продолженія путешествія. Вотъ какъ Вы должны бы поступить и какъ поступилъ бы Вашъ покойный дѣдъ, будь онъ на Вашемъ мѣстѣ.

— Но, я не дѣдъ—отвѣтилъ Императоръ,—и далеко не расположенъ разыгрывать Донъ-Кихота. Ваше предложеніе никуда не годится, мой другъ, и времена рыцарства давно уже прошли.

— Тѣмъ хуже для Васъ, если вы смотрите на вещи съ такой варварской точки зрѣнія, — воскликнулъ я.

— Мой другъ, выслушайте меня, — возразилъ Вильгельмъ II.—Я намѣренъ въ послѣдній разъ серьезно и откровенно поговорить съ Вами, какъ съ другомъ моего дѣтства и съ человѣкомъ, какъ я думаю искренно расположеннымъ ко мнѣ. Наши точки зрѣнія рѣзко расходятся и я знаю, что мой настоящій образъ дѣйствія вызываетъ въ Васъ ужасъ, если не отвращеніе; но война не спортъ, и въ ней не мѣсто милосердію, которое не во-время примѣненное, можетъ близко походить на жестокость, т. к. только растягиваетъ войну.

— Въ настоящій моментъ мы вступаемъ въ борьбу, самую ужасную и безпощадную, какую когда либо знала исторія и въ интересахъ той-же цивилизаціи, за которую Вы такъ ратуете, мы обязаны окончить ее, какъ можно скорѣе. Нашими пріемами борьбы мы должны запугать противниковъ съ самаго начала и убѣдить ихъ въ безполезности сопротивленія и въ томъ, что они отъ насъ жалости не увидятъ, т. к. всякая жалость отдаляетъ конецъ войны, обстоятельства принуждаютъ насъ къ этому, и успѣхъ нашей борьбы зависитъ отъ ея наименьшей продолжительности.

— Я говорю Вамъ это для того, чтобы Вы не очень возмущались тѣмъ, что Вамъ придется еще отъ меня видѣть и слышать. Я хочу Васъ подготовить къ этому и предупредить, что всѣ Ваши мольбы о пощадѣ того или иного города,

того или иного народа, будутъ безполезны. Я буду безпощаденъ ибо я намѣренъ побѣдить. Дальнѣйшая судьба Пруссіи требуетъ отъ меня жертвъ и я готовъ сложить къ ея ногамъ даже свою незапятнанную репутацію, если только такимъ путемъ я смогу добиться успѣха. Вы считаете меня чудовищемъ лицемѣрія; можетъ быть Вы и правы, можетъ быть и нѣтъ. Но одно я знаю: когда мы всѣ будемъ лежать въ могилахъ, исторія, какъ безпристрастный судья, будетъ говорить о мнѣ, какъ о побѣдителѣ, который пожертвовалъ всѣмъ для того, чтобы возвести свою страну на такую недосягаемую высоту славы и могущества, до которой ни одно другое государство не будетъ въ состояніи и приблизиться.

— Боже, какъ искусно Вы скрывали свою настоящую личность,—воскликнулъ я.

— Неужели?—усмѣхнулся Вильгельмъ II.—Вы не могли мнѣ сдѣлать лучшаго комплимента, но, чтобы доказать Вамъ, что я не такъ плохъ, какъ Вы думаете, я разрѣшу Императрицѣ Маріи прослѣдовать въ Данію, откуда она можетъ поѣхать, куда желаетъ. Сознаю, что поступаю далеко не благоразумно, выпуская изъ рукъ такой богатый залогъ, который бы намъ весьма пригодился въ часъ разсчета, но я сейчасъ въ отличномъ настроеніи, и такъ и быть отпущу ее, что же касается цвѣтовъ, то это уже слишкомъ; впрочемъ Вамъ я этого запретить не могу.

— Ваше Величество отлично знаете, что я никогда не рѣшусь на подобный шагъ. Я радъ,

что Вы послѣдовали моему совѣту и увѣренъ, что вся Германія Васъ въ этомъ одобритъ.

— Германіи теперь не до такихъ пустяковъ,— отвѣтилъ Императоръ; онъ подошелъ къ окну и, открывъ его, знакомъ подозвалъ меня къ себѣ. Я подошелъ и увидѣлъ передъ дворцомъ волнующееся море головъ. „Der Kaiser! Der Kaiser!“,— надрываясь, кричала толпа. Картина была бы еще величественнѣй, если бы не относилась къ готовившемуся свершиться, преступленію.

При видѣ ея, въ душѣ моей не было мѣста другому чувству, кромѣ ужаса; ужаса охватывающаго преступника въ моментъ раскрытія его вины, ужаса вызываемаго встрѣчей съ физическимъ или нравственнымъ уродствомъ. Начало зла вдругъ показалось мнѣ воплощеннымъ въ фигурѣ стоящей рядомъ со мной и воспламеняющей однимъ своимъ видомъ изступленную загипнотизированную толпу.

8-го Августа 1914 г.

Мы воюемъ чуть не съ половиной населенія земного шара, благодаря присоединенію Англіи къ нашимъ врагамъ. Послѣднее извѣстіе, которое казалось должно было произвести подавляющее впечатлѣніе, наоборотъ, дало поводъ къ новымъ манифестаціямъ и взрыву энтузіазма, подпавшей всецѣло подъ вліяніе Императора, толпы. Какимъ

образомъ ему удалось привлечь на свою сторону всѣхъ своихъ вчерашнихъ оппонентовъ, остается тайной для меня.

Я не узнаю Германіи: мои миролюбивые соотечественники, подъ вліяніемъ постоянной лжи, которую имъ преподносятъ, совершенно измѣнились. Они или дѣйствительно убѣждены, или притворяются быть убѣжденными въ томъ, что сдѣлались жертвами безсовѣстнаго неожиданнаго нападенія. Какъ то разъ, когда одинъ знакомый старался убѣдить меня въ этомъ, я ему возразилъ, что, наоборотъ, намъ нѣтъ причинъ воевать, если не считать незаконнаго желанія, ни съ того, ни съ сего, дать хорошаго тумака, кому нибудь изъ сосѣдей. Однако, онъ не только не повѣрилъ мнѣ, но подозрительно оглядѣвъ меня съ ногъ до головы, спросилъ хорошо ли заплатила мнѣ Англія за подобную пропаганду. Что же послѣ этого мнѣ оставалось дѣлать, какъ не молчать.

Объ Англіи отзываются съ наибольшимъ раздраженіемъ и только потому, что такъ повелѣлъ Кайзеръ. Вчера вечеромъ я обсуждалъ положеніе съ однимъ изъ людей ближе всѣхъ его знающихъ и догадавшагося лучше меня о его намѣреніяхъ за послѣднее время. На мой вопросъ о томъ, почему ярость Вильгельма II особенно обращена противъ Великобританіи, къ которой прежде, по его словамъ, былъ весьма расположенъ и противъ Англійскаго Королевскаго Дома, дружбу съ которымъ всегда искалъ, мой собесѣд-

никъ отвѣтилъ, что въ этихъ прежнихъ изліяніяхъ симпатіи Кайзеръ былъ такъ же неискренъ какъ и во всемъ остальномъ.

— Вильгельмъ II,—сказалъ онъ мнѣ,—былъ сердечно привязанъ къ королевѣ Викторіи. Они необыкновенно сходились характерами, несмотря на разницу лѣтъ. При ея жизни, онъ никогда не рѣшился бы предпринять что либо противъ Англіи. Насколько сильно онъ цѣнилъ и уважалъ королеву, настолько же онъ не сошелся съ ея преемникомъ. Послѣдній, несмотря на весь свой тактъ, никогда не понялъ своего племянника и не старался скрывать своего презрѣнія по отношенію къ нему. Король Эдуардъ горячо любилъ свою сестру, нашу покойную Императрицу-мать, и глубоко возмущался поведеніемъ по отношенію къ ней ея старшаго сына. Вильгельмъ примирился съ матерью незадолго до ея смерти, но король Эдуардъ никогда ему этого не простилъ, и съ момента его восшествія на престолъ, отношенія между Германіей и Англіей стали все болѣе и болѣе обостряться. Эдуарду Вильгельмъ приписывалъ охлажденіе съ Россіей, а заключеніе тройственнаго согласія подчеркнуло Кайзеру его политическое одиночество. Онъ хорошо зналъ также о тайномъ безпокойствѣ англичанъ, тревожно смотрѣвшихъ на усиленіе германскаго флота.

Нынѣшній составъ англійскаго правительства не нравился Вильгельму, находившему его слишкомъ либеральнымъ. Если бы во главѣ, стояли

лордъ Салисбери или даже г. Бальфуръ, то пожалуй возможно было бы сговориться, но съ г. Асквитомъ и особенно съ г. Винстонъ-Черчиллемъ всякое сближеніе было немыслимымъ. Сэръ Эдуардъ Грей тоже не понялъ характера Вильгельма, способнаго на многое очень хорошее или очень дурное въ зависимости отъ настроенія минуты. Главной подкладкой нынѣшняго кризиса является цѣлая серія недоразумѣній, старательно вызывавшихся желающими ими воспользоваться. Въ настоящій моментъ вся Германія увѣрена въ измѣнническомъ поведеніи Англіи по отношенію къ ней.

— Все, что вы говорите можетъ быть и справедливо, — отвѣтилъ я, — но предположимъ, что мы проиграемъ эту кампанію,—что тогда?

— Этого не будетъ, — отвѣтилъ мой собесѣдникъ.—Слишкомъ тщательно принялъ Императоръ всѣ нужныя предосторожности, но не приведетъ ли все это къ распаденію германской имперіи,—это уже другой вопросъ.

— Что вы этимъ хотите сказать?—спросилъ я.

— Только то, что человѣкъ не можетъ достигнуть такой степени величія, не поплатившись за это. Побѣды, о которыхъ мечтаетъ Императоръ, разорятъ побѣдителей не меньше побѣжденныхъ. Слишкомъ быстро увеличивавшіяся государства также быстро и распадаются. Бисмарку хорошо было извѣстно это правило исторической эволюціи, и онъ всегда остерегался слишкомъ туго натягивать струну. Не думаю,

однако, чтобы Императоръ послѣдовалъ его примѣру.

Я глубоко задумался надъ этими словами моего пріятеля. Онъ лучше изучилъ Императора, чѣмъ я, ослѣпленный безграничной любовью къ монарху, не замѣчавшій его недостатковъ и искренно вѣрящій въ его честность и благородство. Теперь же вся исторія возникновенія войны, развернувшаяся у меня на глазахъ, доказала мнѣ, что Вильгельмъ II—безсовѣстнѣйшій изъ людей.

Этого уже достаточно для того, чтобы разбить мою жизнь. Я принадлежу къ категоріи лицъ, поклоняющихся высокимъ идеаламъ и думалъ прежде, что эти идеалы одинаково святы и для Императора. По крайней мѣрѣ, въ продолженіи долгихъ лѣтъ, онъ давалъ мнѣ это понять.

Припоминается мнѣ почему-то разговоръ происшедшій между нами незадолго передъ свадьбой своей дочери.—Ну, другъ Аксель, говорилъ онъ,—теперь никто не можетъ упрекнуть меня въ немиролюбіи и нежеланіи залѣчивать старыя раны. Что сказалъ бы принцъ Бисмаркъ если бы узналъ, что Прусская принцесса сдѣлалась невѣстой наслѣдника Ганноверскаго королевства, аннексіей котораго мы ему всецѣло обязаны.

Какъ я тогда восхищался моимъ Императоромъ, а теперь куда ни посмотришь, всюду непроглядный мракъ отчаянія: мы подписали нейтралитетъ Бельгіи и нарушили его исключительно для своего удобства; вторженіе въ Люксембургъ—беззаконный актъ, передъ которымъ остановился

даже нашъ желѣзный канцлеръ. Легкомысленность и спокойствіе, съ которыми мы пренебрегаемъ всѣми законами, будутъ занесены въ страницы исторіи. Хуже всего то, что всѣ наши злодѣянія мы покрываемъ личиной добродѣтели; оправдываемся во всѣхъ своихъ поступкахъ, уличая нашихъ враговъ въ воображаемыхъ грѣхахъ. Добродѣтель никогда не прославлялась до такой степени какъ лицемѣріе, въ нашемъ Прусскомъ Королевствѣ.

Главный штабъ германской арміи.

Сентябрь, 1914 г.

Я едва нашелъ въ себѣ силы взяться за перо. До сихъ поръ я все старался скрывать истину отъ самаго себя, но теперь я наконецъ понялъ все, на что способенъ Императоръ. Я видѣлъ бельгійскія деревни сожженныя до основанія; видѣлъ лишенныхъ крова несчастныя семьи, пытавшихся отыскать среди развалинъ свои прежнія жилища; я натыкался на трупы дѣтей, стариковъ, священниковъ, беззащитныхъ дѣвушекъ. Я видѣлъ столько зла, столько горя и страданія, такое пренебреженіе къ законамъ божескимъ и человѣческимъ, что положительно удивляюсь, какъ удалось еще сохранить разсудокъ. Груды обугленныхъ развалинъ показываютъ, гдѣ проходили германскія войска. Неужели это война?— спрашивалъ я себя.

Отчаяніе охватило меня. Стоитъ ли жить послѣ всего этого среди людей способныхъ говорить съ улыбкой о совершенныхъ ими злодѣяніяхъ? Не лучше ли сразу положить конецъ своимъ терзаніямъ? Къ чему жить, разъ я не могу попрежнему служить виновному въ этихъ кровавыхъ дѣяніяхъ, роковому Дому Гогенцоллерновъ, сдѣлавшемуся проклятіемъ Европы. Однако прежде чѣмъ я приду къ рѣшенію, попробую сдѣлать послѣднее усиліе. Я поговорю съ Императоромъ и укажу ему на поведеніе его войскъ и, кто знаетъ, быть можетъ мнѣ удастся вымолить у него пощаду. Остались же въ немъ, наконецъ, человѣческіе инстинкты, къ которымъ я и попытаюсь обратиться.

Полночь.

Я сыгралъ свою послѣднюю карту и она бита. Пришелъ конецъ всему. Гдѣ вы иллюзіи, надежды, стремленія къ добродѣтели? Все унесено волнами потока, затопившаго жалкое человѣчество. Мнѣ кажется иногда, что приближается судный день и этотъ скучный, бренный міръ погибнетъ въ закрутившемъ его водоворотѣ.

Я видѣлъ Императора и старался возбудить въ немъ совѣсть, справедливость и человѣчность, — но все было напрасно. Императоръ оставался непоколебимымъ. На мое обвиненіе его въ причастности ко всѣмъ этимъ ужасамъ онъ отвѣтилъ,

что „война не дѣтская игра“ и пора бы уже понять это; что онъ не желаетъ быть вынужденнымъ ее вести опять черезъ нѣсколько лѣтъ, и что чѣмъ безпощаднѣе будетъ борьба, тѣмъ скорѣе водворится миръ, и тѣмъ продолжительнѣе онъ будетъ. Разрушеніе Бельгіи, конечно, очень прискорбный фактъ, въ которомъ онъ однако видитъ хорошій урокъ для всѣхъ, воображающихъ, что можно шутить съ Германіей.

— У меня есть долгъ,—добавилъ онъ,—по отношенію къ народу, о которомъ я не долженъ забывать; я не имѣю права требовать отъ націи вторично принести всѣ жертвы, которыя она принесла теперь, такъ охотно. Пусть будетъ ей вознагражденіемъ сознаніе того, что ни одна держава въ мірѣ не въ силахъ ей противостоять!

— Не о Германіи думаетъ Ваше Величество,—не удержался я. — Въ васъ говоритъ личное тщеславіе и гордость и, ссылаясь на свой народъ, Вы только лишній разъ лжете.

Вильгельмъ съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на меня.

— Я прощаю вамъ ваши слова, Аксель!—сказалъ онъ наконецъ.

. . . . . .

Письмо графа фонъ-Шверинга къ Императору Вильгельму II.

„Когда это письмо дойдетъ до Вашего Величества, я буду уже тамъ, гдѣ нѣтъ ни печалей, ни воздыханій. Не знаю пожалѣете ли Вы о томъ, кто выросъ рядомъ съ Вами, до извѣстной степени принималъ участіе въ Вашей жизни и подарилъ Вамъ всю свою самую страстную преданность. По всей вѣроятности нѣтъ, ибо за послѣднее время моя близость къ Вамъ была нѣмымъ, невольнымъ упрекомъ, безпрестанно напоминавшемъ Вамъ о томъ, какимъ Вы были и какъ сильно измѣнились теперь.

„Но какъ бы то ни было, мертвые имѣютъ право быть выслушанными, и изъ своей могилы взываю я къ Вамъ. Во имя Бога и человѣколюбія и чести, прекратите ваше безполезное кровавое дѣло!

„Еще будучи мальчикомъ Вы проповѣдывали служеніе высшимъ идеаламъ; Вы мечтали о томъ времени, когда Вы будете въ состояніи воскресить старинныя традиціи германскихъ рыцарей, которые, подобно легендарному Лоэнгрину, вставали на защиту угнетаемой невинности. Вы говорили, что работали надъ собой, чтобы стать достойнымъ принять тотъ высокій постъ, для котораго Вы рождены. Казалось, что Вы употребите всю свою энергію, всѣ свои богатыя умственныя способности къ тому, чтобы стать для своихъ потомковъ яркимъ примѣромъ благородства.

„Въ теченіе многихъ лѣтъ Ваше Величество обманывало не только людей знавшихъ Васъ поверхностно, но даже лучшихъ своихъ друзей. Не одному преданному сердцу нанесли Вы теперь смертельный ударъ. Но неужели же Вы не остановитесь въ своемъ жестокосердіи и не воскресите, дремлющее глубоко въ душѣ, чувство человѣчности? Вы говорили, что стремитесь только къ славѣ и торжеству Германіи, а я повторяю то, что сказалъ Вамъ сегодня, и что Вы не могли отрицать, а именно, что въ Васъ говоритъ лишь эгоизмъ и честолюбіе; это честолюбіе Васъ погубитъ.

„Вы стоите между двухъ путей. Берегитесь же избрать тотъ, который во власти дьявола. Вы предназначены Творцомъ для осуществленія высокихъ идеаловъ. Одаривъ Васъ такъ щедро, Онъ послалъ васъ на землю проповѣдывать идею добра и мира, возвѣщенную Христомъ, распятымъ за грѣхи человѣчества. Помните же о вашемъ великомъ назначеніи, не поддавайтесь темнымъ силамъ. Вмѣсто того, чтобы нападать на слабые, беззащитные народы, поборите овладѣвшаго вами дьявола.

„Я говорю такъ, только потому, что преданъ Вамъ до того безмѣрно, что рѣшилъ умереть, ибо не въ силахъ долѣе разочаровываться въ надеждахъ, которыя возлагалъ на Васъ и видѣть крушеніе моихъ идеаловъ. Но даже изъ могилы я стану взывать къ Вамъ, моля возвратиться къ нимъ и показать себя воистину великимъ, искупая своей дальнѣйшей жизнью всѣ эти

тяжкіе грѣхи. Осушите же вызванные Вами слезы взывающія къ отомщенію. Остановитесь пока не поздно, иначе вѣчное проклятіе будетъ тяготѣть надъ Вами и Вашей династіей.

„Я все сказалъ. Дай Богъ, чтобы моя смерть принесла свою пользу, открывъ вамъ глаза на все то, что вы утратили, забывъ рѣшенія молодости и превратившись въ человѣка желѣза и крови, ненавидимаго и проклинаемаго всѣмъ міромъ. Дайте же мнѣ почувствовать, что я умеръ не даромъ!

Библиотека
Института Ленина
при Ц.К. Р.К.П. (б.)